

КРОКОДИЛ

№ 9 • 93

ISSN 0130 • 2671

(Задания см. на стр. 16.)

О. ТЕСЛЕР

Владимир КОНСТАНТИНОВ,
Борис РАЦЕР

ЛИШЬ БЫ НЕ В ТУПИК!

Мы пошли другим путем,
Не китайским
и не польским,
И восьмой уж год идем
По тропе крутой
и скользкой
То в обход, то напрямик,
Затянув потуже пояс...
Не попасть бы лишь
в тупик,
Где скучает бронепоезд!

г. Санкт-Петербург.

АНЕКДОТ БЕЗ БОРОДЫ

— Улучшается ли здоровье моего мужа? — спрашивает у врача-психиатра дама, муж которой считает, что его преследуют три знаменитых мушкетера.

— Несомненно! — отвечает врач. — В живых остался только один мушкетер, да и тот послезавтра навсегда уезжает в Израиль.

Рассказал А. РЕЗНИКОВ,
г. Иркутск.

Покупатель — продавщице парфюмерного отдела:

— Почему у вас одеколон «Русский лес» без этикеток?

— А вам не все равно?

— Это вам все равно, а мне его на стол ставить!

Бухгалтер проверяет квитанции, которые привез коммерсант из командировки:

— А это что за странная сумма?

— Счет за гостиницу.

— А кто тебя уполномочивал ее покупать?

Молодая жена с плачем сообщает мужу:

— Папин коммерческий банк обанкротился!

— Я всегда чувствовал, — отвечает муж, — что он ни перед чем не остановится, чтобы нас разлучить!

— Где родина Адама и Евы?

— В России. Кто бы еще — босые, голые, имея одно яблоко на двоих, — считал бы, что они в раю!

Американец спрашивает у русского:

— Почему у вас спички — дефицит?

— Потому что мы чересчур много едим мяса, а выпуск зубочисток не наладили!

Рассказал Ф. КОНОНЕНКО,
г. Калуга.

БА! ЗНАКОМЫЕ ВСЁ ЛИЦА!

Да и автор этих портретов — ба! — нам тоже знаком. В 1-м и 8-м номерах «Крокодила» за прошлый год мы писали о юном художнике Александре ВЛАСОВЕ, о его трудной судьбе и удивительном таланте шаржиста. В Костроме, Париже, Москве прошли его персональные выставки. Он лауреат I Всероссийского конкурса инвалидов, не обошла его и годовая премия Крокодила (1992 год).

Сейчас Саше 19 лет. Невзирая на тяжелый недуг (детский церебральный паралич), он учится — заочно — в Костромском педагогическом институте. Издательская фирма «Костромские ведомости» выпустила его альбом «Графические портреты». На этой странице мы представляем новые работы Саши.

Эпиграммы к шаржам эксклюзивно выдали не менее знакомые читателю крокодилские поэты-сатирики.

Евгений ШАПОШНИКОВ

И летчик он и символ всетерпенья.
Путчистам дал в былые дни отпор.
Не потому ль ужиное шипенье
Российский сокол
Терпит до сих пор?

Павел ХМАРА.

Сергей ШАХРАЙ

Шахрай умеет много гитик —
Не перечислить их зовек:
Администратор, аналитик,
Законник, правовед, политик
И просто уминый человек.

П. САНИН.

Сергей СОЛОВЬЕВ

Создатель кинофильма «Асса»,
На РТР ведущий «САС»...
И знают зрительские массы:
Он — киномастер экстра-класса,
А говоря короче — ас!

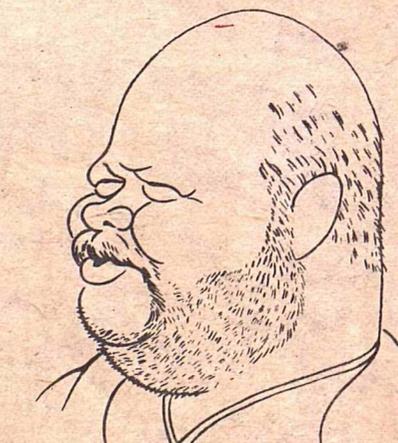
Владимир ВОЛИН.

Глеб ЯКУНИН

Глеб Якунин время зря не тратит,
Успевает с митинга на съезд:
За святое дело демократии
Он готов нести свой тяжкий крест!

Александр СИВИЦКИЙ,
Юрий ТИМЯНСКИЙ.

Сергей КРЫЛОВ

(К исполнению роли О. Бендера.)

Дышите глубже! Нету слов!
Глазам не верится — и все же:
В штблетах Бендера — Крылов.
Лед тронулся. И зритель — тоже.

Борис БРАЙНИН.

Анатолий РАС

УЛЬТРАСОВРЕМЕННЫЕ СРАВНЕНИЯ

Легкий, как рубль.
Разбух, как дело ГКЧП.
Зарабатывает,
как жулик.
Красивый,
как маркетинг.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Постановили: Принять в колхоз
т. Измоденова и окоровить».

(Из решения правления колхоза.)

Прислал А. КАПИТОНОВ,
г. Алапаевск.

«Прошу дать три дня за свой счет,
пока меня берут замуж, — 18, 19, 20
октября».

(Из заявления.)

Прислал А. ИВАНОВ,
г. Санкт-Петербург.

«У музыкантов нашего духового ор-
кестра творческая дружба спаяна
частыми похоронами...»

(Из выступления.)

Прислал И. КУЗНЕЦОВ,
г. Вичуга.

«Объяснительная
Я, Сидоров А. А., находясь 3.12.92 г.
на работе, без видимых причин упот-
ребил спиртные напитки, показывал
фиги женщинам и сломал палец,
ткнув им по ошибке в манекен».

Прислала Л. ЧЕРНУХА,
г. Москва.

«Три тысячи шубок из натураль-
ного меха наденут в этом сезоне жен-
щины, окрашенные нашей бригадой.
Три тысячи «спасибо» скажут они ма-
стерам».

(Из статьи.)

Прислал Н. МАЛАХОВ,
г. Москва.

«Трактор с места происшествия
скрылся, был задержан и отправлен
на откормочную базу».

(Из протокола осмотра.)

Прислал Л. ЕФРЕМОВ,
г. Йошкар-Ола.

УНИВЕРСАМ 61

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Прислала Н. ТРЕТЬЯКОВА,
г. Санкт-Петербург.

Балансируя между штабелями до-сок и бочками с краской, Крокодил пробрался к столу известного рок-певца.

КР. Здесь будет офис заложен?
ГР. Здесь, здесь. И офис, и студия. Кстати, отряхнитесь, у вас...

КР. ...вся спина белая?
ГР. Нет, рукав в известке. И на боку.
КР. Мерси боку. Ну, что, пофехтуем?
ГР. Обязательно. Но сначала дайте со строителями разобраться. Вся, понимаете ли, перестройка на мне...

КР. А я думал — это Горбачев...
ГР. Он — в масштабе страны, я — в масштабе помещений, выделенных мне под студию и под офис.

КР. А в чем загвоздка? В известке?
ГР. Если бы! Вот сижу, пытаюсь понять, что означает строка из выставленной сметы: «Дополнительные затраты на вертикальный транспорт». Какая вертикаль, какой транспорт, если помещение на первом этаже? Причем, что особенно интересно, «затраты» у них измеряются в квадратных метрах!!!

КР. Которые переплавляются в рубли из вашего кармана... Впрочем, Градский, говорят, богатый человек, не заметит...

ГР. Богатый?! Это относительно кого? Если сравнивать с мальчиками из коммерческих банков — я босяк! За ремонт все спущу до нитки.

КР. Зато — мечта осуществляется. Вы, наверное, к этой перестройке всю Перестройку готовились?

ГР. Можно сказать и так, но вообще жду свою студию и свой театр еще с семидесятых.

КР. Это когда еще, будучи в «Скороходах», вы начали тусоваться отдельно? Не пожалели об этом?

ГР. Нет. Вся наша музыкальная эстрада редко выходит за рамки кабацко-ресторанной попевки. А это не мой жанр. Мне же с моим репертуаром до сих пор приходится каждый раз преодолевать настороженность зала.

КР. Ну, неужто сейчас так же трудно, как лет двадцать назад?

ГР. Нет, душе сейчас легче, и экономической свободы больше. В прошлом мы таких условий не имели, какие есть в нынешнем уродливом зародыше рынка.

КР. Ага! Свобода свободой, а ругнуть эту нашу новую эпоху не забыли!

ГР. Ага. Не забыл. Дело в том, что и в жизни, и в творчестве я стараюсь быть объективным и никогда себе не изменяю.

КР. Молодец! А то насчет всяких «прозрений» и «перемен взглядов» мы наслушались дбсыта.

ГР. «Преступно не менять с течением времени своих убеждений». Эта, не помню, чья, мысль преследует меня все последнее время. Дескать, не меняешь их — преступник! Во как!

КР. Таковыми и считали людей, борющихся с системой.

ГР. Ну, настоящей-то борьбы с системой у меня не вышло. Система не считала меня серьезным противником. А зря. Еще неизвестно, что больше по-

влияло на нее, может быть, как раз искусство.

КР. (почтительно привстает). Судя по этим словам, Перестройку-таки начал Градский, а не Горбачев.

ГР. Осторожнее! Не иронизируйте, а то у нас, у Скорпионов, очень сильна ответная реакция!

ФЕХТОВАЛЬНЫЙ ЗАЛ

Александр Градский:

«ЗАНИМАЮСЬ ПЕРЕСТРОЙКОЙ»

КР. Наоборот, давайте познергичнее! Я — колкий вопрос, вы — остроумный ответ. Как, например, вы дошли до жизни такой? Кому подражали, у кого учились?

ГР. Я — самообразованиец. И сам поднимал свою планку. Нет, никто не тащил куда-то там...

КР. Ну, а идеал женщины-то, наверное, есть?

ГР. Нет. И здесь не сотворил себе кумира. А в общем-то это область настолько сложная, что в ней все предельно просто: когда мужик не обращает внимания на женщин — это глупость несусветная. И еще. Если с женщи-

ной нельзя ни о чем поговорить — это не баба, ей-Богу!

КР. Прямо афоризм!

ГР. Могу еще: каждая следующая жена лучше, а каждый следующий муж хуже предыдущих.

КР. Так, так... А позвольте поинтересоваться, как же вы проводите свобод-

ные мои песни многолетней давности слишком актуально звучат и сейчас.

КР. Значит, не все ладно в обществе.

ГР. Да, и тогда, и теперь. Я уверен, что байки, какая была замечательная жизнь, а теперь, мол, всё разрушили, — это творчество в первую голову тех, кто отторгнут от власти, хочет пробраться к ней вместо нынешних и, в свою очередь, натереть чего-то побольше. Но уродств в государстве хватало и раньше, есть они и сейчас.

КР. А народ-то устал, приуныл. Ведь тяжелее всего именно ему. Помните, прежде: что ни день, то свежий анекдот? У вас есть любимый?

ГР. Я больше частушки люблю. Не знаю ни одного народа, кроме нашего, для которого жанр частушки имел бы такое значение. Стараюсь почаще приблизиться к этому. Помните: «Мы не сладили с эпохой, потому что все нам ... все равно»?

КР. Это называется — «работать на грани фалла».

ГР. Ничего страшного не вижу. В частушке народ находит то, что не дает ему искусство официальное. Говорят, Станиславский, делая кому-то из актеров замечание, указал на три существенных органа, которые затрагивает искусство. Первые два — это мозг и сердце. А из-за того, что соцреализм напрочь забывал о существовании третьего, у нас и были такие кастрированные литература и искусство.

КР. Значит, ваши творческие планы? ГР. Дверь прорубить, щиток установить, откуда вся электрика пойдет...

КР. О Господи! Ну, давайте же наконец пофехтуем!

ГР. Ну, давайте, давайте, идите сюда... (Берется за первый попавшийся кусок арматуры.)

Крокодил спешно скрывается.

Секундантом КР. и ГР. был Евг. ОБУХОВ.

ВПЕРВЫЕ В «КРОКОДИЛЕ»

ное время? Ох, я представляю, как с такими-то воззрениями вы «оттягиваетесь»!

ГР. Плохо представляете. У меня двое детей, и я при любой возможности стараюсь быть с ними.

КР. А как насчет юмора в быту? Можете кого-то разыграть?

ГР. Терпеть не могу. Юмор обожаю, а подколы ненавижу. А когда меня задирают, отвечаю той же монетой.

КР. Ваши «Монолог батона», «Баллада о мещанах» и другие — это монетки из того же кошелька? В счет расплаты с системой?

ГР. Вот именно. Грустно, что некото-

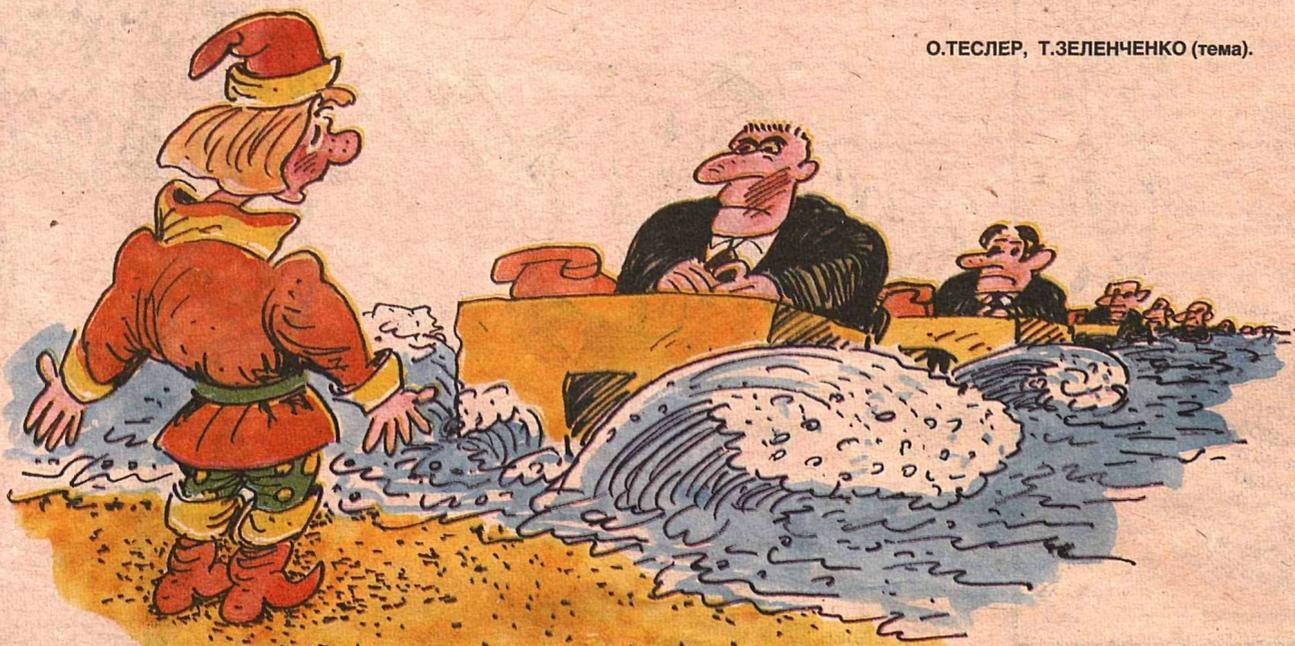
Кто не знает повестей и романов Бориса Васильева «А зори здесь тихие...», «В списках не значился», «Не стреляйте в белых лебедей», «Завтра была война»! В них трагические события органично сочетаются с эпизодами, окрашенными добрым юмором. И нам подумалось: почему бы не попросить у писателя что-нибудь для «Крокодила»? А вдруг?

И действительно: Борис Львович живо откликнулся на наше предложение. Он сказал:

— Шесть лет назад в журнале «Октябрь» напечатали мой роман «И был вечер, и было утро». Действие его разворачивалось в древнем городе Прославле, переполненном традициями всех народов, населяющих Россию. Под Прославлем я имел в виду Смоленск. Но как-то незаметно для меня город начал жить сам по себе, оторвавшись от прототипа. Вот мне и захотелось рассказать, что бы случилось в Прославле сегодня. Отдаю на суд читателей «Крокодила» первую главу — так сказать, начало ненаписанного романа.

Публикуем ее с незначительными сокращениями (см. стр. 8—9) ▶

О.ТЕСЛЕР, Т.ЗЕЛЕНЧЕНКО (тема).

Игорь
БАХТИН

ЗАПИСИ В ПОТЕМКАХ

Лиза сорвала с себя бюстгальтер и быстро стала писать на нем свой адрес. А потом швырнула на сцену. Ее кумир, гитарист группы «Исчадия ада», пробежал по этой дорожке во всех смыслах интимной вещи в грязных ботфортах. Зал взорвался ревом и лесом поднятых «коз». С замиранием Лиза думала: «Его ступни коснулись моего лифчика... О, как я люблю его!!!» Бедная Лиза!

* * *

«Каждой твари — по паре» — думал учитель, с ненавистью глядя на опостылевших ему учеников.

* * *

Пациенты приватизировали психушку. Выгнал санитаров и врачей, они наконец-то почувствовали себя нормальными людьми.

* * *

Пятилетку — в три шеи!

* * *

Он чувствовал сильную фантомную боль в том месте, где еще вчера был бумажник с деньгами.

* * *

Президентскому кортежу переехал дорогу черный лимузин спикера. Президент сплюнул через левое плечо и истово перекрестился.

* * *

Волос у него оставалось на два скандала.

* * *

После недельного запоя Заточкин лежал на диване, ощущая тошноту и противное сердцебиение. Под одеялом он сжимал в руке топор и не мигая смотрел на ковер ручной работы, на котором был выткан тигр, лежащий в зарослях камыша. Вчера ночью тигр вышел из ковра и напал на Заточкина. Заточкину чудом удалось спастись — отбилась подушкой. «Чертовы мутанты!» — с ненавистью думал Заточкин. Эта же мысль посетила и тигра.

* * *

Будем живы — все сожрем!

г. Кисловодск.

Кир
БУЛЫЧЕВ

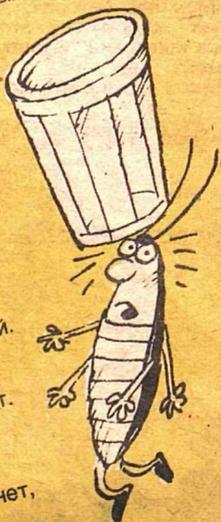
* * *

Почему же, почему же
Не досталось Маше мужа?
Все с мужьями спят под боком,
Только Маша одинока.
Может, Маша злая, спесива?
Нет, конечно, красота
Есть у Маши, но не та.
Очень странно: ведь у Маши
Ротик, носик прочих краше,
Попа, груди, нежный смех
У нее милее всех.
В чем же дело? В чем же дело?
Маша с детства плохо ела,
А потом училась гадко,
Кляксы ставила в тетрадку.
Как подруга и жена
Нам такая не нужна!
Женихи к ней приходили,
Книжки, сласти приносили,
Сласти Маша сразу ела,
А на книжки не глядела.
И тогда ее жених
Просит показать дневник.
И — о ужас! — видит двойки
С тонкой троечной прослойкой.
А от мамы узнает,
Что невеста не встает,
Если в класс учитель входит.
И, конечно, не отходит
От экрана — нету слов!
До две-над-ца-ти часов!
Тут жених смущенно встанет,
На прелестное создание
Кинет взгляд из-под очков...
Плащ надел — и был таков!
Ведь ему подумать страшно:
Жизнь прожить с подобной Машей!
Что, прости, такая мать
Сможет детям передать?
И о чем же в самом деле
Говорить с такой в постели?
Вам понятно, почему же
Не досталось Маше мужа?

* * *

Я проснулся утром рано.
Вижу в кухне таракана.
Этот самый таракан
Подносил ко рту стакан,
Тот, что с ночи я оставил.
В шкаф на полочку поставил.
Я тяну к себе стакан —
Не пускает таракан.
Я кричу ему: «Постой!»
А стакан уже пустой.
Тут уж доньшком стакана
Я прихлопнул таракана.
Верь не верь, но так и было.
Жадность фраера сгубила.
Поделится бы со мной,
Был бы пьяный и живой.

Эдуард ПОЛЯНСКИЙ

ПОГОЛОВНО-

Как депутаты
и милиция
заботились
о

мошениках

У Николая, главного действующего лица нашего повествования, решившего встать на тропу пиратского бизнеса, до обидного скромная фамилия — Васин. С такой фамилией в великие комбинаторы не выбьешься. Но Бендер — заезжено. А Дорегард Альфредович Гардинау — самое то. Экзотично, неземно, штучно! Для человека с такой крутой вывеской нет ничего невозможного.

А затеял Николай Васин невозможное. Даже фантастическое. И придуманный им псевдоним с привкусом ирреальности удачно вписывался в его коммерческую фантастику.

Задумал Николай-Дорегард обеспечить жителей отдельно взятого района Москвы возможностью заказать мягкую и дешевую мебель. Не мебелью, заметьте, обеспечить, а фиктивными квитанциями, удостоверяющими лишь факт добровольной и безвозмездной отдачи денег обладателю звонкого псевдонима.

Изготовление мебели в планы нью-Бендера не входило. Не имел он под рукой ни производственных мощностей, ни материалов, ни рабочей силы. Зато была на плечах голова, нацеленная на первоначально-уголовное накопление капитала. По итальянским фильмам о мафии Николай знал, что тамошние мафиози добиваются успеха, заводя связи во властных структурах. Увы, он находился на нулевом цикле сколачивания своего состояния и пока не мог взять на содержание хотя бы супрефекта или парламентария районного звена. Поэтому ему оставалось лишь одно — втираться в доверие к должностным лицам. И счастливый случай свел его с депута-

том Г. Борисовым, который пришел в умиление от бескорыстия отечественного предпринимателя.

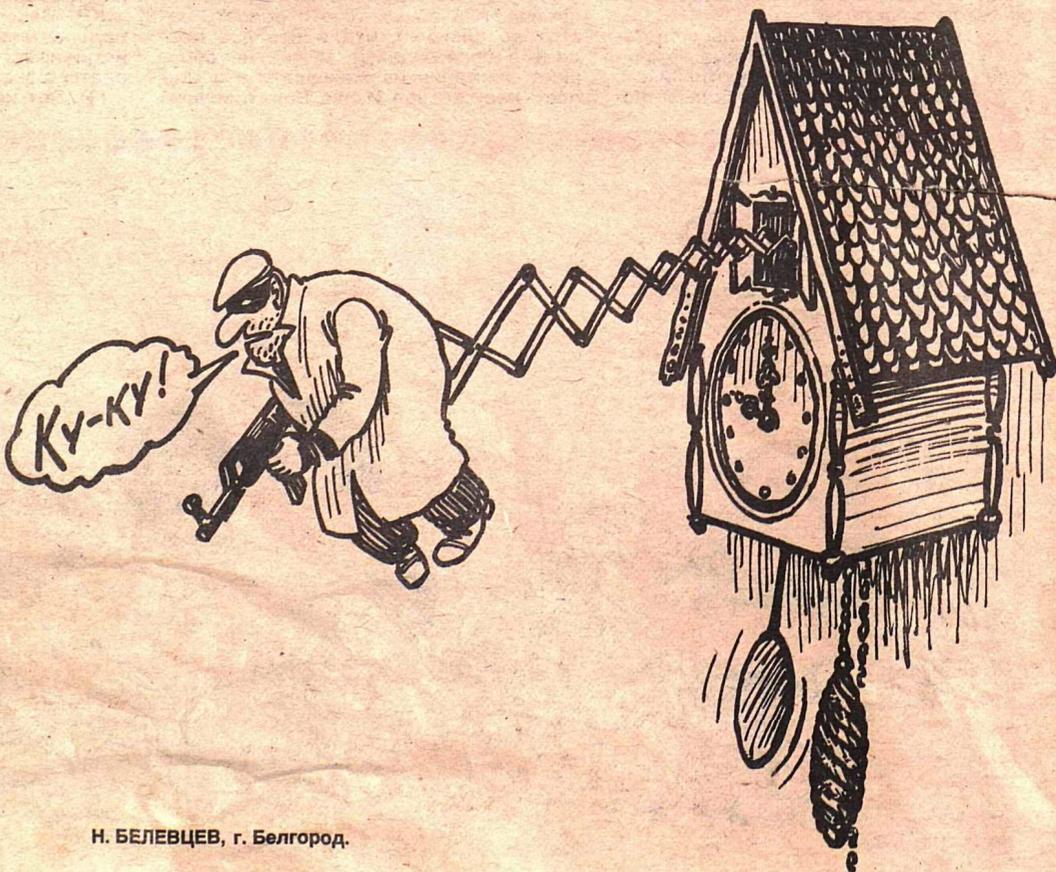
— Все-таки что ни говори, а советское воспитание сказывается! — восторженно мудрствовал он. — Не можем мы жить по волчьим законам капитализма. Душой мы еще в том обществе, где человек человеку друг, товарищ и брат...

— Душа так и требует, — подхватил депутатскую мысль Николай, — охвати, говорит, поголовно и позадно жителей района мягко-мебельной продукцией, подавляя, говорит, к чертям собачьим собственные проявления буржуазной психологии.

Слезы заволокли глаза расчувствовавшегося депутата. Уперев невидящий взгляд в бледную копию липового, нигде не зарегистрированного Устава ТОО «Дорегард», вовремя подсунутую ему главой мифической фирмы, он живо представил себе своих беспощадно-требовательных избирателей, нужды которых в мягких сиденьях и лежаках будут удовлетворены не без его заботливого участия, и тепло сказал:

— Для повышения благосостояния народа, отдавшего за меня свой голос, готов отбросить все формальности. Говорите: какая помощь необходима?

— Собственно, никакой, — с нескрываемой преданностью заглядывая в глаза выдвигенцу масс, отвечал нью-Бендер. — Я всего лишь хотел поднять авторитет районной власти. Чтобы, отходя ко сну на красивых и дешевых диванах и креслах-кроватях нашей фирмы,

Н. БЕЛЕВЦЕВ, г. Белгород.

Взаимовыгодный обмен.
Жалкая, ничтожная наличность.

Анна ГЕДЫМИН,
г. Москва.

Хлеб наш насушен.

Сергей БЕЛОЗЕРСКИХ,
г. Тюмень.

Без оклада не входить!
Март Апрельский.

Лев НЕМИРОВСКИЙ,
г. Санкт-Петербург.

Власть имущие.

Георгий КОВАЛЬЧУК,
г. Москва.

ПОЗАДНЫЙ

население вашего избирательного округа с благодарностью вспоминало своего депутата, решившего поддержать бескорыстных коммерсантов.

— Нет, так не пойдет! — запротестовал депутат. — Скромность похвальна, но не до такой же степени. Эдак, батенька, вас моментально затопчут конкуренты. Запишите мой телефончик и звоните в любое время. И, кстати, надо подумать — не выделить ли вашей фирме участок под расширение мебельного производства.

— Ах, это так неожиданно, — зарделся Николай-Дорегад. — Получается, что райсовет как бы берет мое ТОО под свою опеку. Становится как бы моим куратором. А я как бы превращаюсь в проводника его политики на бытовом фронте.

— Получается! — рубанул депутат. — Честного капиталиста советская власть всегда поддержит. С Богом, действуйте! И не перебарщивайте со скромностью!

Васин внял совету депутата и впредь не перебарщивал. В поисках помещения под офис взял нахрапом Дом бывших пионеров, а ныне безгалстучных школьников.

— Мы тут по инициативе районных властей и в первую очередь депутатского корпуса брошены в мебельный прорыв, — по-хозяйски проинформировал он директрису. — Наш лозунг: каждому жителю района — мягкий диван! Надеюсь, вы не станете возражать, если мы разместимся для приема заказов в одном из кабинетов? Само собой, ваших сотрудников готовы обслужить в первую очередь.

Ссылка на депутатский корпус и диванные перспективы сработала. Загадочная фирма «Дорегад» поселилась в Доме бывших пионеров. В кабинете-офисе, в который для создания достоверного интерьера процветающей фирмы Васин откуда-то приволок компьютер, засели два фирмача. Один из них, Королев, был, как говорится в милицеевских протоколах, ранее неоднократно судим. Собственно, как и сам президент, — за кражу. Но если послед-

ний в свое время добросовестно отбыл наказание от звонка до звонка, то его нынешний подельник находился в бегах, самовольно покинув стройки народного хозяйства, и, беспаспортный, скрывался от милиции. Данное обстоятельство не шокировало президента, числящегося в розыске в качестве неуловимого алиментщика.

Таким образом, в детской цитадели по соседству с живым уголком, где сердобольные школьники выхаживали подбитую из рогатки ворону Карину, свили гнездышко воры и мошенники. Для них это была удачная заводь — атмосфера педагогической деликатности и звенящей стерильности, царящая в храме детства, невольно рождала у ступившего на его порог почтение и к фирме «Дорегад», и к ее разрекламированной мягкой мебели. Тем более что объявления о приеме заказов фирма разместила с помощью того же депутата, который похлопотал перед супрефектом, не на столбах и заборах, а в торговых залах магазинов, на почте, на крупном предприятии, что тоже способствовало усилению бдительности клиентуры.

Публика повалила, но все-таки и сомневающихся, которых настораживали небывало короткий срок выполнения заказа и сравнительно невысокая цена, хватало. Наиболее бдительные имели возможность позвонить депутату, и он с готовностью подтверждал: «Без опасений оформляйте заказ — ребята надежные, не подведут!»

Однажды в приемный пункт зашел оперуполномоченный уголовного розыска ближайшего отделения милиции Н. Сырцов. Беглый каторжник уже распрощался со свободой, но опер всегонавсего заказал диван. Узнав об этом визите, Васин-Гардинау решил, что самое время породниться с нашей славной милицией. И, не мешкая, нанес ответный визит. Обратился к борцу с уголовным миром за содействием:

— В Дом школьника нас пустили только на три месяца. Нет ли у милиции подходящей комнатенки? Заодно и поохраняли бы нас от грязных вымогателей.

В. ЛУГОВКИН.

ОХВАТ

— Вообще-то охраной занимается РУВД, — озадачился опер, — а насчет помещения поспрашиваю участковых.

И вскоре фирма «Дорегад» обрела прописку в опорном пункте милиции. За гостеприимство Дорегад Альфредович пообещал отремонтировать милицеевские палаты и навесить на окна решетки. Опорный пункт милиции превратился в опорный пункт жуликов. Репутация которых в глазах клиентуры резко возросла. Сомневающихся почти не стало. Особо недоверчивых индивидов теперь увещевал дружный милицеевско-депутатский тандем.

У депутата появился веский аргумент: — Ну какие тут страхи, — убеждал он клиентов, — если фирму поддержала даже милиция!

Когда же заказчики, наткнувшись в опорном пункте на человека в мундире, советовались с ним, он, в свою очередь, ссылался на депутата:

— Сами подумайте, кто курирует наших фирмачей! Власть курирует в лице народного избранника!

Так они кивали друг на друга, заметно оживляя жульнический промысел. Более года понадобилось следствию, чтобы в деталях восстановить всю полугодовую, но многоэпизодную эпопею выманивания денег у ближних под красивую мечту о мягкой мебели. Мягко стелили фирмачи, да сами оказались на жесткой скамье подсудимых. Но не сразу: почуяв приближение развязки, несколько месяцев скрывались, а Николай-Дорегад, наш пахан, вынужден был сигануть через окно опорного пункта, которое он, конечно же, не зарешетил, оставив возможность для отступления.

Тут выяснилось, что вся документация фирмы «Дорегад», копии квитанций, выданных населению взамен кругленьких сумм, находятся на хранении у оперуполномоченного уголовного розыска, который по просьбе Васина-Гардинау бдительно берег ее от рэкетирского ока, чтобы не пронюхали бандиты, каким миллионным капиталом управляет фирма, и не взяли след.

Что ни говори, а наш уголовный розыск — надежный партнер!

АНЕКДОТ С БОРОДОЙ

Отгоняя комара, постовой резко махнул рукой. Шедшая по шоссе машина затормозила.

Постовой шагнул к машине, собираясь извиниться. Водитель высунулся в окно и торопливо сказал:

— Товарищ милиционер, я все документы забыл дома. Сидящий рядом верзила выкрикнул:

— Да не верьте вы ему, он спьяну и не то наговорит!

С заднего сиденья истерически закричала женщина:

— Говорила я вам, дуракам, надо было сменить номера!

Багажник машины приоткрылся, и оттуда послышался голос:

— Что, разве уже проехали границу?

Припомнила Л. СПАССКАЯ,
г. Москва.

*

Отец семейства забежал вечером в детский сад за сыном. Привел его домой, хотя тому никак не хотелось прерывать игру.

Жена посмотрела, ахнула:

— Ты кого привел? Это же чужой ребенок!

— Эка беда, — невозмутимо ответил отец, — завтра обменяем.

*

В отдел вбежал запыхавшийся программист Петькин и выпалил:

— Слыхали? Наша машинистка родила двойню!

— Чего же тут особенного? — удивился бухгалтер Чибирев и спокойно объяснил: — Заложила два экземпляра, и всего делов.

Припомнил А. СУКОНЦЕВ,
г. Москва.

*

Мужик на базаре продает петуха. Все его спрашивают:

— А кур он топчет?

— Да вы что?! Конечно, нет!

Никто не покупает. Тут еще один прохожий насчет кур спрашивает. А незадачливый продавец у него интересуется:

— А как это?

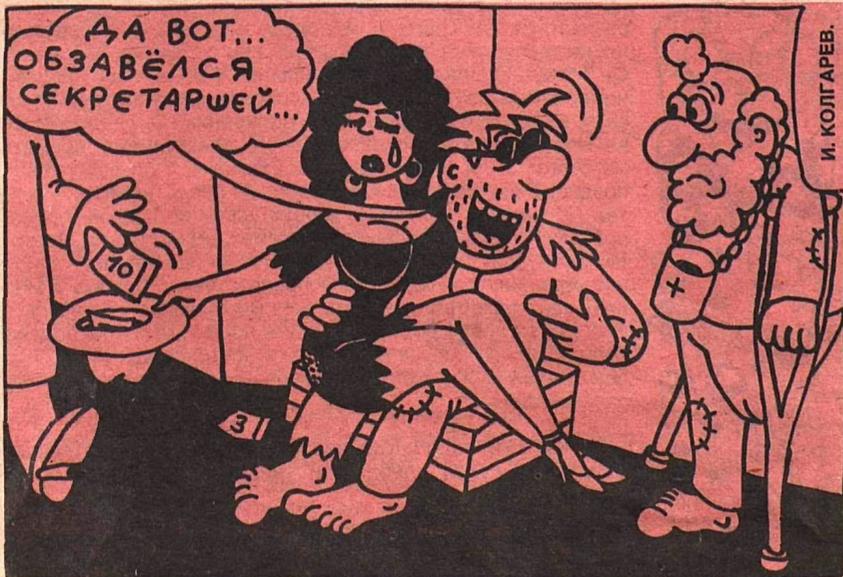
Тот объяснил ему вполне доходчиво. Тогда продавец воскликнул:

— Топчет, топчет, еще как топчет — и кур, и уток, и свиней, и коров!

— А что ж ты его продаешь тогда?

— Да на жену, сволочь, стал заглядываться!..

Припомнил Ф. КОНОНЕНКО,
г. Калуга.

А. ПЕРЛЮК,
г. Кировоград.

Евгений СТЕБЛОВ:

«КАК ИНОГДА НАС ЖИЗНЬ РАЗЫГРЫВАЕТ»

ТАЛАНТЫ И ПОКЛОННИКИ

Александр БОНДАРЕНКО

С ЧУЖИМИ ПЕСНЯМИ

ПОЧЕМУ ПОД АНСАМБЛЬ ИМЕНИ АЛЕКСАНДРОВА МАСКИРОВАЛИСЬ ДРУГИЕ

События странные и таинственные давно уже происходят вокруг Краснознаменного академического ансамбля песни и пляски Российской армии имени А. В. Александрова. Недавно, например, его артисты спросили своего художественного руководителя народного артиста России Игоря Германовича Агафонникова:

— Где мы сейчас находимся? — и вывалили ему на стол кипу газет. — Что это значит?!

В газетах печаталось сообщение ИТАР—ТАСС о прибытии группы Краснознаменного ансамбля... в Южную Африку: «33 ведущих артиста этого коллектива в течение десяти дней будут выступать в лучших концертных залах Йоханнесбурга, Кейптауна, Дурбана и Блумфонтейна».

Агафонников протер глаза. Он знал, что и ведущие, и не ведущие его артисты находятся от ЮАР достаточно далеко.

Следующий день принес пикантные подробности этих гастролей: ИТАР—ТАСС с глубоким прискорбием сообщил, что краснознаменцы в Кейптауне были побиты и ограблены на 500 долларов...

Поогорчавшись за коллег (выяснилось, что в ЮАР побывал ансамбль Московского округа ПВО), Александровцы успокоились. Потому как к подобным странностям давно уже привыкли. И не такое бывало...

Приехали они однажды в Бельгию — впервые. А их там полупустыми залами встречают. И просят «спасибо» сказать, что после прошлых гастролей столько зрителей собрать удалось... Три концерта вот так дали, зато на четвертый уже яблоку негде было упасть.

Или было: из Франции в ансамбль сообщили, что рекламная кампания предстоящих гастролей идет полным ходом. Между тем никто во Францию не собирался и соответственно не ездил.

...Идея маскировать почти все выезжающие за границу армейские художественные коллективы под ансамбль имени Александрова принадлежит небезызвестному ГлавПУРу.

Например, отправлялся в зарубежное турне ансамбль ракетных войск «Красная звезда». Задумывались мудрые головы: а не вызовут ли наши артисты-ракетчики повышенный интерес коварных вражеских спецслужб? Даром что певцы и танцоры с трудом отличат ракету СС-20 от истребителя МИГ-29. Но, может, для спокойствия закамуфлировать «Красную звезду» под очень выездной ансамбль?

Таким образом, оказалось весьма плодотворным любую армейскую самостоятельную выдавать за всемирно известный академический коллектив, национальное достояние России.

Западным импресарио — из числа небрезгливых — это и выгодно. Со зрителем можно заполучить побольше, исполнителям заплатить поменьше: коллективы невысокого полета готовы работать за границей за одни лишь «харчи»...

В итоге зрители, ожидающие услышать мощный хор, басы и тенора знаменитых солистов, нежданно-негаданно рискуют довольствоваться неким козлетоном, сопровождаемым десятком не слишком голосистых мальчиков... До того дошло, что стали шнырять по зарубежным городам и весям ансамбли-самозванцы, вообще не имеющие к армии никакого отношения, но нацепившие погоньи и гордо именуящие себя питомцами Александрова.

Мир велик, интерес к нашей стране, к бывшей Советской Армии пока не ослабел, а Краснознаменный ансамбль по сей день остается одним из символов «несокрушимой и легендарной». Только вот символ этот стараниями ловкачей все чаще попадает совсем не в те победные легенды, а в истории, больше смахивающие на анекдоты.

Перестарались

Я играл в кинокартине «Собака Баскервилей». В ста километрах от Таллинна мы снимали эпизод на болотах. У меня была собачка Снуппи. Сцена такая: я держу ее, мы с Соломиным едем в бричке и ведем диалог, вдруг собака вырывается, и я бегу за ней.

А у меня было очень мало времени, я приехал на один день, чтобы тут же улететь обратно. И все говорили: «Быстрее, быстрее, Стеблов опаздывает». Решили с одного дубля снять этот довольно длинный кусок и в таком же темпе ехать на другую натуру. И вот я, убежав довольно далеко, не успев вернуться, как увидел на горизонте исчезающую кавалькаду автомобилей киногруппы. Я остался один в чистом поле. К счастью, режиссер все-таки вспомнил, что Стеблова забыли в спешке. За мной вернулись.

Встреча в кафе

Есть три вида узнавания артистов. Человек смотрит на тебя и начинает вспоминать, то ли ты его земляк, то ли вместе с ним в тюрьме сидел. Второй вид: понимают, что это артист, снимавшийся в таком-то фильме, но не помнят его фамилию. И, наконец, третий вид узнавания, когда говорят: «Смотрите, Стеблов пошел». Больше всего недоразумений бывает, конечно, с первой категорией.

Я начал сниматься в семнадцать лет (фильм «Я шагаю по Москве»). Мне хотелось славы, но когда меня начали узнавать, я жутко смущался. Я был студентом Щукинского театрального училища и часто ходил обедать в кафе

«Прага». И вот, помню, со мной за столиком сидит мужчина средних лет и пристально на меня смотрит. Я начинаю немножко посмеиваться. Вдруг он говорит: «Здравствуйте». Я отвечаю: «Здравствуйте». «Как вы себя чувствуете?» — «Да ничего, спасибо». «Не узнаете меня?» — спрашивает. «Нет, не узнаю». — «Ну-ну-ну, ничего. Как правило, все пациенты мои меня не узнают». «Извините, — говорю я, — что вы имеете в виду?» «Да вы понимаете, что я имею в виду. Ничего страшного, я могу вас понять. Все обойдется, ваш случай не самый тяжелый»...

Потом выяснилось, что он психиатр. Он извинился, но сказал, что душевнобольные действительно делают вид, будто врачей не узнают: любое напоминание о болезни травмирует их.

Когда слова бессильны

Это лучшая байка Театра Моссовета. Работал у нас пожилой артист дядя Володя Сабуров. Он всю жизнь играл дворников и лакеев. У него была гармошка фотографий, которую он часто разворачивал и с гордостью показывал: вот он с лопатой, вот сапоги подает.

Однажды в театре шел спектакль «Отелло» с Мордвиновым в главной роли. Перед выходом на сцену дядя Володя затягивался в широкий испанский пояс — почти как в корсет. Дело это нелегкое: в ход идут даже ноги. Ему помогала костюмерша тетя Шура. «Дядя Володя, не туго?» — спрашивала она. «Ничего, — отвечал Сабуров, — пропер...ся!»

И вот Отелло произносит знаменитые слова: «Ты перед сном молилась, Дездемона?» — и душит Дездемону. Входит

Юрий БОРЕВ

МИФЫ XX ВЕКА

Фрагменты книги *

«С этим бухгалтером еще наплачется вся Европа», — сказал Бисмарк о Марксе.

Купчиха Семижопова написала на высочайшее имя прошение об изменении неблагозвучной фамилии. Николай наложил резолюцию: «Хватит и пяти».

Какой-то чиновник из Балаклавы сообщил царю, что город хочет обрести суверенитет. Николай прислал телеграмму: «Закусывать надо».

История капитана Польшова

В 1905 году в Красноярске недолго, но славно держалась республика во главе с молодым капитаном Польшовым. Когда республика пала, Польшова приговорили к расстрелу. Он бежал во Владивосток и укрылся в семье своих друзей, намереваясь поутру сесть на паром и уехать за границу. На беду, в этот дом пришел в гости полковник жандармерии. Он не мог не узнать государственного преступника, приметы которого были ему известны. Бежать Польшову было поздно. Лихо щелкнув каблуками, он представился: «Капитан Польшов». Помедлив, жандармский полковник принял протянутую руку, улыбнулся и сказал: «Ну-с, так не сгонять ли нам пульку?» И они до поздней ночи предавались азартной игре. Наутро Польшов беспрепятственно отплыл в Японию, где прожил пятнадцать лет. Вернувшись в Советскую Россию, он после долгих мьгарств нашел место преподавателя японского языка в Институте востоковедения. Во второй половине 30-х годов его арестовали и на всякий случай расстреляли.

Осенью 1916 года англичане запросили у России тридцать миллионов пудов хлеба. Эти тридцать миллионов соста-

* Продолжаем публикацию, начатую в № 8.

лакей дядя Володя и... исполняет в точности, о чем говорил. Поскольку артистом он был средним, то не нашел ничего лучше, как произнести свой текст: «Тут слова бессильны...»

После спектакля Сабуров постучался в гримерную к Мордвинову и виновато проговорил: «Николай Дмитрич, я тут давеча... Так ведь я не нарочно». С этой фразой он обошел всех актеров театра.

Рояль с кнопкой

Мы с Марецкой и Пляттом много лет подряд играли спектакль «Миллион за улыбку». Ту же роль, что у Плятта, иногда исполнял народный артист Сергей Сергеевич Цейц.

И вот герой Цейца согласно пьесе садится за рояль и поет. А я, молодой герой, смотрю на молодую героиню. Зарождается чувство... Этот рояль был не настоящий, с сигнальной кнопкой: когда на нее нажимали, у концертмейстера за кулисами загоралась лампочка, и тот начинал играть, а артист на сцене делал вид, что играет сам. В общем, Цейц садится, нажимает кнопку — тишина. Тогда он потирает руки, повторяет: «Да, сейчас я сыграю». И снова тишина. Он на меня смотрит, и я глазами даю понять, что идем вперед по тексту. Цейц встает, говорит: «А впрочем...» Не стоит, мол, петь, как-нибудь потом. Выходим на авансцену, я подхожу к нему, произносив слова. И вдруг — лампочка ли сработала наконец, наша ли очаровательная концертмейстер Татьяна Исааковна проснулась, — но рояль заиграл. Цейц — он человек эксцентричный — как глушка, замахал руками, стал выкрикивать: «Черт возьми! Черт возьми!» Довольно громко — зрители могли услы-

шать. На что я ему, находясь в каком-то шоковом состоянии, тоже громко сказал: «Тише, они все слышат!» «Нет, — ответил Цейц, — им даже в голову не придет, что такое может быть!»

Розыгрыш

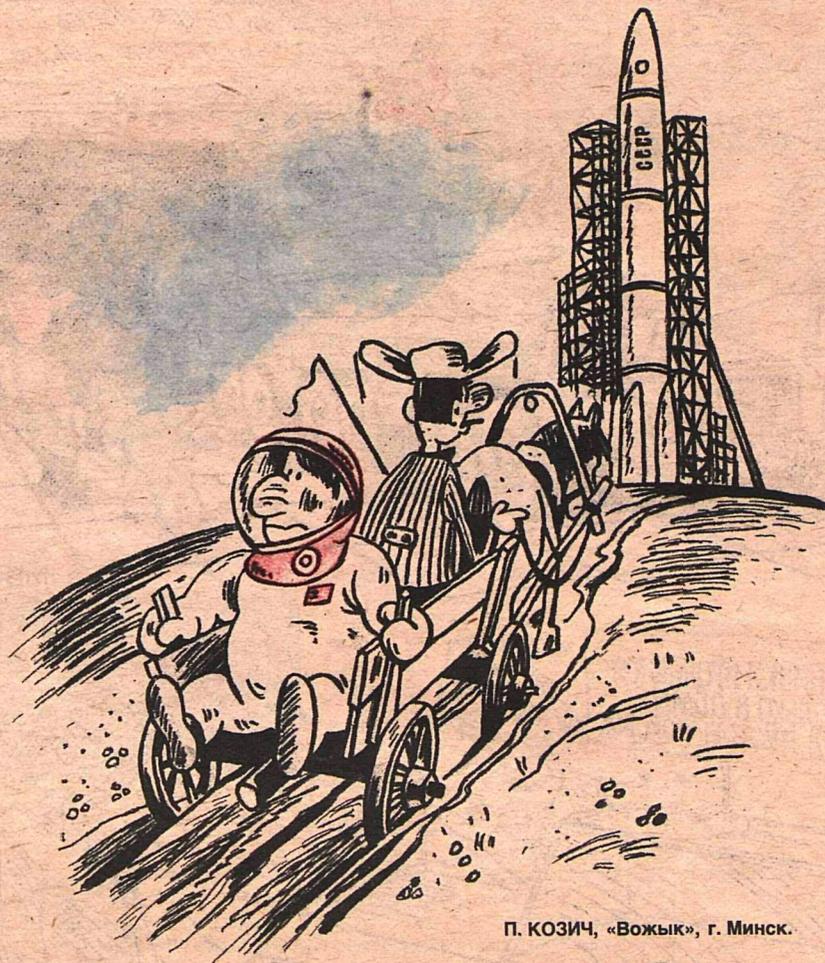
На гастролях в Алма-Ате в гостинице не хватало одинарных номеров, и я жил один в двойном. Коллеги, зная, что я человек щепетильный, захотели меня разыграть. Они решили инсценировать, будто ко мне подселили кого-то. Нанесли в номер грязного белья, окурков, точно там пьянка была или что-то совершенно непристойное. В гостинице жили спортсмены-прибалты, и коллеги подговорили одного, чтобы он сидел, развалившись, среди этого бардака и изображал, будто не понимает по-русски.

Но Вере Петровне Марецкой этот розыгрыш показался не совсем этичным, и, чтобы со мной не случился обморок, она решила меня предупредить. «Только ты, Спартак (она так меня почему-то называла), не выдавай меня», — попросила Марецкая. И я ее не выдал. Я сыграл все, что они хотели.

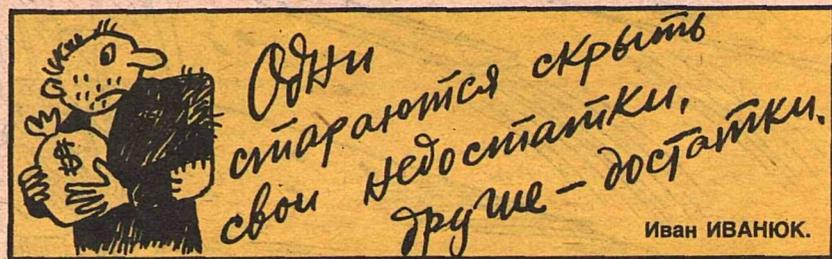
Спортсмену я ничего не сказал. Но весь личный реквизит моих коллег я спустил в мусоропровод, набрал телефон администратора и стал возмущаться, кричать, плакать... В полночь все участвовавшие в розыгрыше вошли и, очень довольные, попросили прощения.

Потом уже, когда Марецкой не стало с нами, я кому-то из участников розыгрыша все рассказал. Они не поверили: «Это ты сейчас говоришь. А тогда ты так плакал, так кричал...»

Записал Феликс ШВЕДОВСКИЙ.

П. КОЗИЧ, «Вожык», г. Минск.

вляли три процента хлебных излишков, поэтому поставить их было легко. Не хватало лишь мешков.

Витте выступал против крайностей: «Чем правее, тем глупее; чем левее, тем подлее».

Николай II совершал инспекционную поездку на фронт. Во время осмотра передовых позиций начался обстрел, и у ног царя упала граната. Все бросились врассыпную, а один солдат не растерялся, схватил гранату и отбросил ее. Николай спрашивает:

- Как твоя фамилия?
- Никифоров, Ваше величество.
- Звание?
- Рядовой.
- Откуда?
- Псковские мы.

Николай зовет князя Голицына:

- Князь, псковский помещик полковник Никифоров просит руки вашей дочери!
- Ваше величество! Ну как можно, какой-то помещик...
- Князь, генерал Никифоров просит руки вашей дочери...
- Ваше величество, какой-то генерал...
- Мой друг маршал Никифоров просит руки вашей дочери.

Никифоров говорит:

- Коля, да пошли ты этого князя в ж..., мы что с тобой, маршалу бабы не найдем?

Дзержинский докладывает:

- Владимир Ильич, задержали вагон презервативов.
- Прекрасно, батенька, отдайте меньшевикам, чтобы не размножились.

Вернулся чукча из Москвы и говорит: «Оказывается, Ульянов-Ленин — это один человек, Маркс-Энгельс — два человека, а «Слава КПСС» — совсем не человек.

Фельетонист «Правды» Рыклин рассказывал:

«В начале 30-х годов состоялась встреча журналистов со Сталиным и другими руководителями партии и правительства. В конце ее мы все сфотографировались, и я был запечатлен рядом с вождем. Шли годы, и шли аресты. Хранить фотографии врагов народа было опасно. И я начал резать: вожди и журналисты постепенно исчезали с фото.

В конце концов остались только я и Сталин. После XX съезда я отрезал Сталина и остался один».

Куприн вернулся на родину. Поставил чемодан на платформу Белорусского вокзала и всплеснул руками: «Как же ты изменилась, моя Россия!» Наклонился за чемоданом, а его и след простыл. Куприн снова всплеснул руками: «Узнаю тебя, моя Россия!»

Владимир Солоухин рассказывает:

«21 декабря 1949 года в общежитии Литинститута арестовали Эмку Манделя (Коржавина). Прощаясь, он со всеми целовался. Сосед по койке, комсомольский вожак, сказал оперативнику: «Обратите внимание, товарищ майор, это не я его поцеловал, а он меня». Майор сказал: «Прощаться разрешается».

В 1949 году к юбилею вождя среди других подарков прислали из Китая рисовое зернышко, на котором по-китайски и по-русски была написана здравица Сталину. Вместе с зернышком прислали микроскоп. Все это поместили в музей. Но однажды зернышко съела мышка. Микроскоп задвинули так, что к нему нельзя было подойти, и два года до смерти Сталина администрация тряслась от страха.

Выпуск нового автомобиля пришелся на первые послевоенные годы, и его назвали «Победа». Автомобиль сделали с одной дверцей. Во время испытаний модели Сталин сел на переднее сиденье. Директор завода и министр, которые должны были сопровождать Сталина, уже не смогли занять места в машине — для этого нужно было откинуть переднее кресло. Машина сделала круг. Сталин вышел и сказал: «Невелика победа». Модель переделали, с каждой стороны появилось по две дверцы.

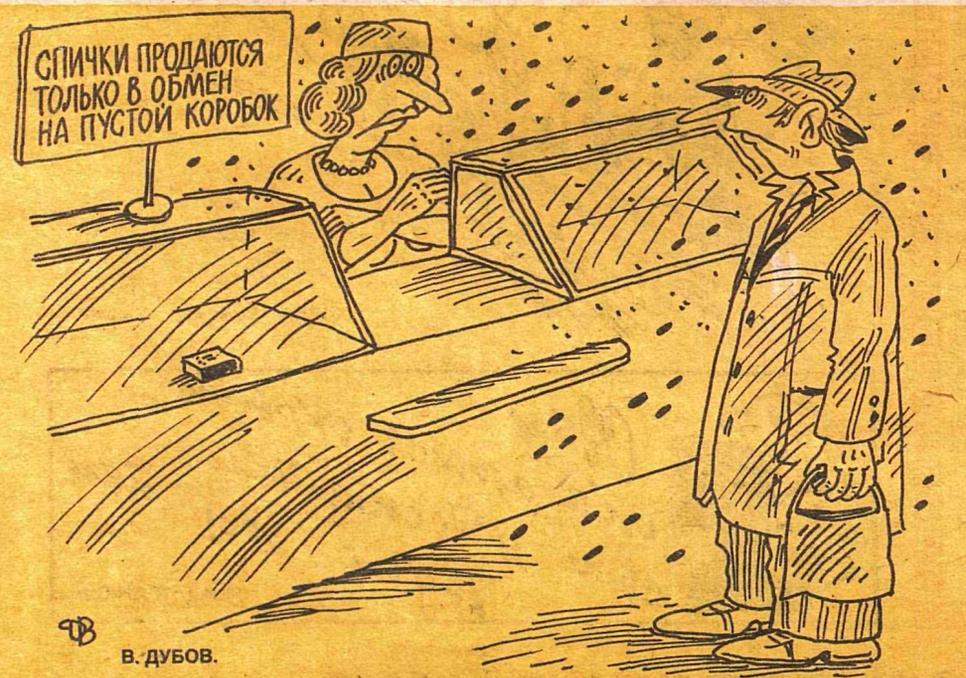
Кольцевая линия метро должна была соединить все вокзалы: Курский, Киевский, три вокзала на Комсомольской площади и Савеловский. Однако проект неожиданно изменили. Сделал это тогдашний секретарь МКГ Попов. Он хотел переселить свою маму в какой-либо престижный дом, предоставить ей машину. Мать от всего отказалась. Она лишь посетовала, что живет далеко от метро. Любящий сын провел ей метро к ее дому у «Новослободской».

Окончание следует.

В. ЛУГОВКИН.

В. ДУБОВ.

УГОЛОК
УГОЛОВНИ

«МСТИТЕЛЬ»

Казалось бы: коли вля-
дся в вытрезвитель —
будь ты штатский, будь
пенный, — в любом случае
олчи в тряпочку да подыс-
вай аргументы для обеле-
я в глазах своего руко-
водства. Но каков оказался
питан М. Дядюшкин! По-
нул малопочтенное заве-

дение, куда он угодил нака-
нуне. Дядюшкин вернулся
в родную часть, взял с со-
бой десять солдат и на боль-
шегрузном «Урале» двинул
в Азов мстить за поруганную
офицерскую честь. До вы-
трезвителя не доехали. По
пути следования из ненави-
сти к милицейской форме
напали на наряд патрульно-
постовой службы, в резуль-
тате чего три ни в чем не
повинных милиционеры гос-
питализированы с черепно-
мозговыми травмами.

Мститель и его «тревожная
группа» арестованы.

ПОЧТИ ПО ЧЕХОВУ

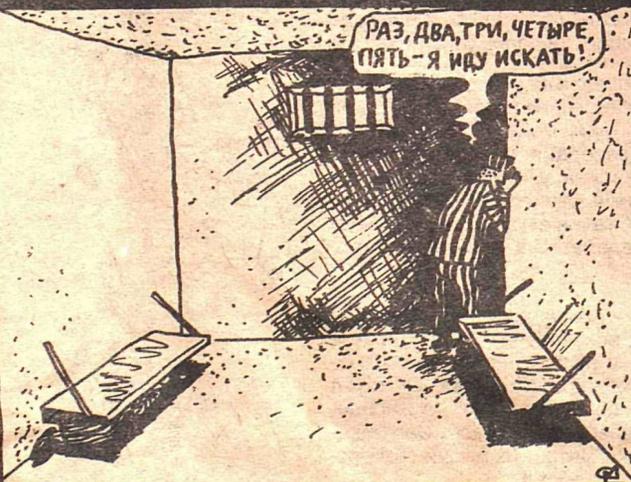
— За что, господа хоро-
шие? За что в кутузку-то?
Мы — народ темный, негра-
мотный, а вы нас под ми-
китки, да и судить налади-
лись, — гундели в кабинете
следователя мужички
Е. Пушкарев и Е. Кузне-
цов. — Надо хватать умеючи,
не зря... Хоть и высеки, но
чтоб за дело и по совести...

Мужички слямзили с ди-
станции электроснабжения
станции Томск контактный
провод ценою 12 млн. руб.
Впереди суд.

ПОСЛЕДНИЕ ШАГИ

Этот спектакль — пьяный
кураж чиница В. Пермя-
кова — мог бы дать сто оч-
ков вперед любому фильму
ужасов. Лихо, с дикими кри-
ками, вооруженный топо-
ром, всю ночь гулял пенсио-
нер, не стомившись и к утру
дня следующего. На увеще-
вания прибывшего по вы-
зову участкового: мол, уго-
монись, дай людям покоя,
ведь времени уже половина
шестого — пенсионер отреа-
гировал так: бодря себя ма-
терными криками, он дви-
нул на участкового с топо-
ром.

Это были его последние
шаги...

М. СЕВЛЮК, «Вожык», г. Минск.

Астролог уверял, что сны на четверг
сбываются. Правда, не у всех, а только
у родившихся под созвездием... Текст
на этом обрывался, потому что клочок
газеты принесло на проторенную мною
тропу каким-то счастливым ветром,
я его, естественно, подобрал и читал со
всех сторон. Числа на обрывке не
было, однако интерес мой от этого не
уменьшился, потому что я давно
и слыхом не слыхивал, что творится
в мире. И насчет неизвестного созвез-
дия не огорчался, поскольку знал, что
мой знак зодиака взобрался на небо-
склон совсем недавно и ни в каких
прогнозах, схемах и гороскопах не
значился...

Я родился под созвездием Серпа
и Молота полвека назад. Конечно, еще
живы отдельные представители стар-
шего поколения, им досталось больше,
но и нас прорезывали Серпом и тю-
кали Молотом, начиная с детского са-
дика.

— Приветствую!

Мне на бегу помахал сосед. В про-
шлом знаток серебряного века, эрудит,
эссеист и профессор, а ныне облада-
тель завидной должности мойщика по-
суды в ресторане «Золотце мое». До-
сыта жрет на трудовой вахте и кое-что
приносит в клюве жене и деткам.
У него есть детки: факт поразитель-
ный как для нашего времени, так и для
нашего пространства. Помахал и тут
же присел за ржавый остов троллей-
буса № 16 («Возвышенность Восста-
ния — сквер им. Глинки»). Ну, ско-
рость приседания мне понятна: при
его-то харчах никаких проблем не воз-
никает. Сделал дело — гуляй смело.
Я для аналогичных целей должен про-
читать страницы две-три, если пове-
зет. Непонятно другое: чего это он ре-
шил меня приветствовать при его-то
общественном статусе?.. Все точно:
уже управился и обратно побежал. А
я все еще сижу орлом вполне безре-
зультатно. Клочок газеты изучен, пора
переходить к справочной литературе.
Переплет я давно сжег, добрый кусок
израсходовал по назначению, и се-
годня продолжаем букву «В».

«Великая Октябрьская Социалисти-
ческая революция, первая в истории
человечества победоносная социали-
стич. революция, совершенная в окт.
1917 рабочим классом России...»

Энциклопедический словарь образца
1983 года годится только для предна-
значенной мною цели. Набор тесный,
поля узкие, писать невозможно, а
в печурке сгорает, как порох, никакого
прока. Но бумага нежная...

«... Рост рев. влияния большевиков
в массах нашел выражение в откры-
тых выступлениях рабочих и солдат
против...»

Слава Богу, словарь пригодился и се-
годня, несмотря на многодневную су-
хотяжку. Привожу себя в порядок,
беру остаток тома под мышку и с уми-
ротворенной физиологией напра-
вляюсь к дому.

Утренние процедуры среди металло-
лома отнюдь не следствие фрапиро-
вания общественного мнения или
поисков свежего воздуха. Просто в эту
зиму лопнули какие-то трубы, и весь
наш восьмизэтажный кооперативный
в прошлом дом вынужден отдавать
дань природе на самой природе. Де-
вочки — налево, мальчики — направо,
и никакой суматохи. И я хожу с Эн-
циклопедическим словарем каждое
утро. Словарь постепенно теряет ли-
ству, как осенняя осина, а я приобре-
таю равновесие духа и упиваюсь ми-
фотворчеством недавнего прошлого.

У подъезда — опять профессор. Спешит
мыть посуду и, естественно, на
утреннюю кормежку. С судками. Где
он их раздобыл, интересно?

— Ночью хорошо спали?

— Без кошмаров и сновидений.

— Поздравляю. У реки пальба была.
Часа три, не меньше. Глядишь, и дол-
жок отдадите. Счастливо!

Потрусил эрудит в ресторацию, гремя

судками. Какова память: я ему еще
с осени стакан пшена должен.

Господи, неужто и вправду бой про-
спал? Господи милостивый, помоги им
побольше убить друг друга!..

«... Ни в одной из энциклопедий, из-
данных в советскую эпоху, нет ни еди-
ного упоминания о моем городе. В ста-
рину он назывался Прославлем, но
в угаре революционных преобразова-
ний его шустро переименовали в честь
тогдашнего классика в Демьянобед-
новск. Во времена извержения плюра-
дизма и национальных идей город рас-
кололся на три партии, в программах
которых в непеременившем порядке
стоял пункт, как нас теперь называть.
Патриоты и державники требовали
возврата к Прославлю, ортодоксы
и консерваторы уповали на сохране-
ние Демьянобедновска, а демократы
всех сортов настаивали на Беднодем-
яновске, справедливо указывая, что

Борис ВАСИЛЬЕВ

И УСИД

в этом названии ясно обозначена эко-
номическая привязка. Однако перма-
нентные митинги и шествия вскоре
угасли в грохоте пустых кастрюль, ко-
торый как-то тихохонько заглушил
шелест купюр, а когда в оборот вкати-
лись миллионы, все споры о переиме-
новании испарились сами собой.
И остались мы тем, что мы есть, пра-
вда, только по наименованию места
жительства.

«... Бессрочные митинги, шествия
и забастовки окончательно добились
правительства, съезд трудящихся обя-
завил о взятии власти, армия пред-
почла не вмешиваться. Все хватали
все, что плохо лежит, а когда расхва-
тали подчистую, стали делить то, на
чем все лежало. Однако купить что-
либо было уже невозможно, всех вдруг
охватил эпидемия суверенизации,
и наш Прославль объявил себя Вол-
ным Городом, взяв за образец респу-
блику Сан-Марино. Однако в этом ста-
тусе он не удержался и, пережив три
потасовки, раскололся пополам: За-
речье объявило себя Республикой Тру-
дящихся («РТ»), а в Крепости побе-
дили нацпатриоты, создав Генерал-Гу-
бернаторство («ГГ»).

Я ничего не выбирал, поскольку
проживаю в Крепости. Из промыш-
ленных объектов нам достались спирт-
завод, механические мастерские,
срочно передельные в оружейные,
фабрика кофтагантери, бравшая за-
казы на изготовление амуниции из
кожи заказчика для всех соседних ар-
мий, да кусок автомагистрали из Варяг
в Греки, где стоят бетонированные та-
можни. Вся промышленность оказа-
лась в РТ, заодно прибравшей к рукам
вокзал и аэропорт. Но мы как-то суще-
ствуем, взимая мзду за рестораны, ка-
баре и казино, за оказание юридиче-
ской помощи соседям, за церковные
требы и обучение подрастающего по-
коления, поскольку интеллектуаль-
ный потенциал города Прославля ока-
зался на нашей территории.

Заодно на нашей территории оказа-
лась и типография. Она печатает га-
зеты нам и Республике Трудящихся,
различные государственные акты, но
главным образом — деньги: импе-
риалы для нас и «ленинки» для РТ.
Выступая на вече, генерал-губернатор
объявил, что бюджет наш неуклонно
растет. Я вне структур, бюджет меня не
касается, но на вече я был. С детской
надеждой, что, даст Бог, кто-нибудь за-
гнется от инфаркта. Не по зловередно-
сти характера, а с мечтой, что в газете
закажут некролог. Редко выпадает та-

кое счастье, да и платят гроши, но все же работа.

В недалекие (сравнительно) времена предыдущей Смуты, когда одновременно существовало множество суверенных территорий и еще больше властей, все тоже печатали деньги. Керенки, советские, денкинские «колокольчики», царские, сибирские и прочие, и на каждой купюре никто никогда не забывал отпечатать магическое финансовое заклинание: «Обеспечиваются всем достоянием государства». И только шальной батька Ангел, знаменитый лозунгом «Бей красных, пока не побелеют, бей белых, пока не покраснеют», сломал эту традицию. Захватив на сутки многострадавший Елисаветград, он успел выпустить собственные деньги с гордой надписью: «Ничем не обеспечиваются». И я думаю, что Ангелы правы: Смутные Времена ничем не обеспечиваются. Во всяком случае,

не рождаются могут, а не умирать — нет. А самое древнее, почитаемое из веку и освященное колокольным звоном кладбище находилось на нашей суверенной территории. И не существовало сколько-нибудь знаменитого или состоятельного мертвеца, которого не мечтали бы предать земле подле нашего Собора. Тут уж за ценой не стояли, чин был отработан, и даже трудовики, согласно подписанному Межгосударственному Соглашению, справляли поминки только в наших ресторанах, поскольку в РТ свирепствовал сухой закон. Конечно, кроме знаменитого Соборного кладбища, как у нас в ГГ, так и у них в РТ существовали и заштатные окраинные, неохраняемые и неубираемые «поля захоронений», лишенные ореола и ритуала и служившие всего лишь ступенькой к забвению. Там хоронили бездомных и одиноких в братских могилах за счет казны

ликую массу отчаявшихся, кишевую у самого дна. ...»

Но вокруг бушевала купля-продажа, все металось с напряженными глазами, судачили только о формуле «деньги — деньги», а читали объявления «Меняю» и «Продаю». Когда я, фигурально выражаясь, дожевывал задний мост, здравый смысл погнался на площадь имени Ивана Калиты, где вывешивались объявления о торговых и меновых сделках.

Вероятнее всего, я нашел бы приемлемый вариант обмена с добрым наваром за разницу в квадратных метрах. Нашел бы, перезимовал бы, безнадежно кропя безнадёжно ненужное. А проев квартиру... И проел бы, да вмешался случай. ...»

Я получил приглашение на похороны: уж что-то, а подобные приглашения почта доставляла почему-то с удовольствием. Когда-то мы с покойным учились в институте и даже

Начало ненаписанного

ЕТЬ НА КОНЧИКЕ КОНЦА

я не сумел обеспечить семье ни дня сегодняшнего, ни тем паче дня завтрашнего, если он вообще где-то еще существует. И они уехали. Жена и сын. В ЮАР через какой-то трехмерный блат. Сейчас все едут. В Замбию, Намибию, Парагвай, Уругвай, на остров Тринидад и Новую Гвинею, как будто из России можно уехать. Так я сказал жене и сыну, когда они меня уговаривали составить им компанию.

— Так нет же больше России! — закричала жена. — Нету, нету, нету! Есть отчаяние, бесконечное отчаяние!

— Отчаяние и есть Россия, — сказал я. — Ну в какой стране ты надеешься отыскать одно отчаяние на всех?

И остался. А они уехали к бурам. «Трансвааль, Трансвааль, страна моя...» А тех, кто остался, связывает отчаяние. Отчаянные мы люди.

Зиму я питался «Жигулями»: все равно бензин стал не по карману. Топился книгами, благо библиотека у меня большая, а классики марксизма-ленинизма горят с неторопливым достоинством. Но превращенные в денежную массу «Жигули» таяли неудержимо, а обесценивались еще неудержимее. Попытался работать, мечта вновь написать бестселлер, но потом понял, что, когда бестселлером становится сама жизнь, никто не станет печатать сочинение о ней. А пенсия мне не полагалась, на работу устроиться я не смог и уже стал подумывать об обмене своей приватизированной двухкомнатной квартиры на однокомнатную с максимально высокой компенсацией за утраченные метры.

Так бы, вероятнее всего, и случилось, не обладай наше ГГ золотым, нетленным, неизменным, самовосстанавливающимся Полезным Ископаемым. Люди могут есть, могут не есть, могут работать или не работать, могут пить или не пить, но они не могут не уми-

либо в индивидуальных за счет родственников, и официально это называлось «захоронкой», в то время как на Соборном кладбище торжествовало погребение. И наше Генерал-Губернаторство качало деньги как из карманов своих нуворищей, так и из общественных касс республиканцев. Основой нашей жизни оказалась смерть со всей отработанной веками атрибутикой и всенепременным неравенством, на котором стояла, стоит и стоять будет Русская Земля, какое бы знамя над нею ни развевалось.

3.

Только не усматривайте во мне шекспировского могильщика: человек, однажды написавший нечто шумевшее и увидевший свою фамилию набранной всеми известными на Земле алфавитами, практически не способен зарабатывать на жизнь общедоступными способами. Копать, ковать, учить, лечить, грузить или разгружать, не говоря уж о бизнесе всех видов и калибров. Он все равно будет лелеять мечту о новой удаче, кропать романы или поэмы и верить, что без его сочинений человечество что-то понимает не так. А в Генерал-Губернаторстве если кто и читал, то «Биржевые сводки», если кто и покупал, то порнографию, если кто и жаждал приобщения к искусству, то получал его либо через цыганщину в «Золотце моем», либо через стенания и грохот в «Диком восторге» (о мелких ресторациях не упоминаю). ...»

Все мои попытки заработать пером успеха не имели, исключая слонявший рассказик, напечатанный в нашей единственной регулярной газете «Вечевой колокол», да редкие приработки на некрологах. ...» Но на учет в Департаменте по безработице не становился из почти мистического ужаса: это была черта, за которой путь круто сворачивал в унылую без-

одно время работали на заводе, ныне оказавшемся за границей, но я дезертировал в литературу, а он поставил на другую лошадку, которая и довезла его до весьма престижных похорон, поскольку он вполне своевременно порвал с трудовиками и солидно укрепился в нашем ГГ, став министром тогда ли промышленности, то ли экономики. И я напялил свой последний костюм, широта которого уже заметно ощущалась, и потопал к Собору. Дорога была неблизкой, транспорт отсутствовал в связи с очередным энергетическим кризисом, и я, помнится, на ходу уверял себя, что мною движет святая память юных лет. На самом деле мною двигала надежда на поминки, но я всяко гнал от себя низкие эти мысли и даже обдумывал приличествующий ситуации спич. Но со спичем не ладилось, потому что я сэкономил на завтраке. Вероятно, я во глубине — человек низкий, но уж очень мне тогда хотелось выпить водки и поесть по-людски.

Путь я не просчитал, а потому не попал в Собор на отпевание. За огоряду, правда, пустили, но дальше паперти я не пробился. Народу была тьма, все жалось к дверям с тем несокрушимым упорством, с каким прут не к гробу, а к дармовым харчам. Меня уже покачивало и перемещало, но я решил не сдаваться, для чего расставил ноги на ширину плеч Шварценеггера и оттопырил локти. Иметь нестерпимые конечности в смутные времена далеко не последнее дело.

— Юрий Иванович?

Душевно прошептали, почти в самое ухо. Я оглянулся и увидел немолодого, скорбно-приятного мужчину в черном костюме при черной бабочке. Мне показалось, что он вышел из Собора, а его затерли алчущие тризны и вынесли на меня. Но, помнится, удивился я не внезапной встрече с незнакомцем, не дорожкою, явно на заказ сотворенному костюму, не эстрадной бабочке — удивился сытости. Профессор-судомойка тоже был сыт, но сытостью рыхлой, второпях, тогда как эта сытость была солидно уложенной и тугой, как бекон.

— Хотелось бы перемолвиться парочкой слов, Юрий Иванович.

Неизвестный господин стал продирается сквозь частоклок локтей и коленок, острый от нужды и надежды, и я почему-то последовал за ним. ...»

— Рад встрече. Искренне. — Руку пожал со значением. — Куротких Сергей Федорович. Ваш поклонник.

— Очень приятно. Однако если вы ради этого вытаскивали меня из очереди к покойнику...

Господи, какая очередь к покойнику? Это меня с голода понесло. С утра не ел, знобящего: я ведь не завтракал.

— Паперть не лучшее место для творчества, Юрий Иванович. Позвольте приглашение.

Странная у него была манера разговаривать. Вроде и улыбался, как пирожное, и слова, сладко в ушах таявшие, употреблял, и зеленые глаза светились, как чеховский осколок бутылки в лунной ночи, а послушаться было как-то... Ну, вот так-то. Не возникало желания послушаться, и я предъявил ему пропуск в сегодняшнее бесплатное насыщение с почти реальной — во рту ее чувствовал, черт! — выпивкой.

— Так я и полагал. Поминки для вас не предусмотрены, иначе допечатали бы само это словцо с указанием места и времени.

— Оставьте это, — сказал я. — Покойный был моим другом с институтской скамьи.

— Дружба, любовь, воспоминания — это ведь только слова. Текст. — Он вдруг сановито потыкал пальцем в мою грудь. — Текст, речь, тост. Обозначения бывших чувств, с которыми расстаться страшновато. А в реальности их нет: есть деловые отношения. Базис. Вот уж трясину замостил под собой, тогда и чувства прошлые обретем. Жизнь и смысл. А пока... Пока позвольте, уважаемый инженер человеческих душ, пригласить вас отобедать. Прошу покорно.

Он подлюбил меня, вполне корректно подталкивая к воротам Соборного двора, но сопротивлялся я вяло, честно говоря. Меня уже подсекали приглашением отобедать (Ах, как звучит, чудо, музыка! Вслушайтесь: отобедать. То есть пока не отвалюсь) и теперь умело выводили на поверхность, чтобы я глотнул воздуха и окончательно осовел. И я, загадываясь, что кому-то понадобилось мое осование, не мог сопротивляться да и думать не мог, а только что-то мекал. Мы вышли из ворот, спустились с Соборного холма, куда-то уже шли. Господин Куротких что-то говорил вполне полусуетское, а я молчал, как то и положено подсеченной рыбе. Но затормозил на повороте, потому что известные мне понасытнее питательные точки располагались прямо по ходу, а меня влекли направо, в тихую бывшую Профсоюзную, а ныне Рюриковскую улицу.

— В клуб, — пояснил Сергей Федорович. — Безнитратные продукты.

Клуб! Я ощутил воду в коленах и дрожь во всех позвонках: вступительный взнос в Клуб Деловых Людей стоил больше, чем вся моя двухкомнатная квартира вместе с остатками мебели. ...»

— Здравствуй, Тимофеич. Я — с дорогим гостем. Предупреди.

— Будет исполнено, Сергей Федорович.

Швейцар был похож на бравого отставника времен генеральского расцвета. Я ожидал увидеть на его подбитой ватином груди килограмма полтора наград за верность и усердие, но увидел лишь позументы, аксельбанты да брандэнбуры. Закрыв за нами дверь на ключ, он замаршировал в полутьму, а Куротких сказал:

— Желаете чего-нибудь выпить? Пожалуйте в буфетную.

Буфетная оказалась комнатой с длинным столом, щедро засеянным бутылками. Ни людей, ни кресел не было, и, поймав мой недоуменный взгляд, Сергей Федорович пояснил:

— Чтоб никто не засиделся. Играем. Наливайте, чего пожелаете. За столом крепких напитков не подают, но сюда наведываться не возбраняется. Я же говорю: играем. На этом поприще — в русское купеческое соборание.

Он налил водки и тотчас же выпил.

давая понять, что в буфетной тостов не произносятся, а водкой не чокаются. И я налил себе водки в рюмку среднего калибра, хотя мечталось о граненом стакане. Но я был на крючке и боялся закосеть.

— В сущности, мы, русские, играющая нация: вся наша жизнь — игра. Вместо законов — инструкции, вместо истории — мифы, вместо традиций — подражание, вместо живого слова — пересказ начальственных указаний. Впрочем, об этом поговорим после обеда. За кофе, коньяком и сигарами. Опять игра, все та же русская игра!

Обед был... А, да что говорить, я боялся обожраться, осоловеть, огрзнуть. Какое-то предчувствие вдруг подняло во мне голову, захихикало, потерло захмелевшими ладошками, зашептало: «Работа, работа, но осей, подлеп!» Но все же я вкусил прилично, аккуратно, сдержанно и вполне пристойно. Куротких вел светскую беседу, строго замолкая при появлении обслуги, ни о чем меня не спрашивал и не делал пока никаких предложений. Чинно завершив трапезу, мы перешли в курительную комнату с располагающей к дремоте нежной мебелью. Я было перепугался, что сейчас размагничусь, но едва мы угнездили зады в кресла, как вкатили столики с кофе, коньяками, ликерами, черт его знает, с чем еще. Каждому по столику с полным набором, включая натуральные американские сигареты и даже сигары из все еще строящей социализм Кубы.

— Располагайтесь, — сказал Сергей Федорович, жестом отпустив половых. — Все — доброго качества, фирма не мелочится.

— Ваша фирма?

Спросил я и поперхнулся: жратва на мозг давила. В такой обстановке вопросов не любят. Не деловой я, что подлаещ. Хлебнул кофе для прояснения, а в нем оказалось градусов сто девятнадцать по Реомюру.

— Я работаю на фирму. Генеральным текстологом. Так что, надеюсь, найдем общий язык.

Во рту у меня плавилась пломба, и найти общий язык было мечтой недостижимой: мой собственный извивался в конвульсиях. Пригубил коньячку, стало совсем невмоготу, но слезы я каким-то чудом сдержал на кончиках ресниц. Куротких деликатно ничего не заметил.

— Играем, Юрий Иванович, во все и во всю. В независимость, в религию, в казаков, в демократию. Правда, в демократию, кажется, уже не игрались. Но зло не в политике, зло в утрате творчества. Слышали бы вы речи на похоронах, на презентациях, даже на свадьбах. Косноязычие времен застоя. Нет завязки, кульминации, концовки. А вы, помните, не только повести, но и сценарии писали.

— Да, — признался я, шевельнув такти отчужденным языком.

— Крем, — вдруг сказал он. — Снимите ложечкой крем с пирожного и покатайте в полости рта.

Почему-то я полость рта запомнил особенно выпукло. Уж если сам Генеральный текстолог фирмы... Кстати, что это за фирма? Вполне уместный вопрос. Вот только крем докатаю в полости рта...

— Фирма? Растущая, Юрий Иванович, и благоденствующая. Начиналась она как ритуальная, а попросту — похоронная. В нашем распоряжении самое престижное кладбище, главный собор Прославия и полная алкогольная свобода. У трудовиков же — места захоронения, борьба с религиозным дурманом и сухой закон. Мы оказались монополистами, а политика «круглых столов» и согласительных комиссий прорвала жесткие моральные установки. Партийный устав не устоял перед жизнью... пардон, перед смертью, которая и востребовала пересмотр ритуалов в сторону максимального творческого начала.

Не устоявший перед смертью партий-

ный устав в обнимку с пересмотром ритуалов в сторону их творческого начала странно звучал в нежнотельной курилке Клуба Деловых, но зато я как-то собрался. Тем паче что пожар в полости рта перешел в щекочущую фазу тления.

— Чем же я могу быть полезен? — с литературным шиком осведомился я, страстно желая быть полезным в чем угодно.

— Пером, — весомо сказал Генеральный текстолог и, самую малость подумав, уточнил: — Пером и талантом. Для начала мы предлагаем вам сотрудничество в виде составления надгробных речей с максимумом индивидуальности. Без общих слов, рутинных штампов. Через десять дней состоятся похороны весьма уважаемого гражданина нашего Губернаторства, члена Городской Думы Петра Евгеньевича Капризова. Изучите основополагающий материал, так сказать, досье, составьте четыре... Нет, пожалуй, семь текстов выступлений и за сутки до похорон покажите их мне. Досье вам доставят сегодня, о дне похорон известят своевременно. Договор подпишем во всей форме после утверждения текстов. Прощения прошу, но таков порядок. Это аванс.

С этими словами он извлек из бумажника ассигнацию достоинством в три империиала, положил передо мною и повторил:

— Аванс. Жду тексты. А сейчас, извините, дела. Наслаждайтесь десертом.

Поклонился и испарился. А я остался с онемевшим языком и практически без соображения. Три империиала — это же девятьсот тысяч ленинок, три месяца жизни при известной экономии! Да какая экономия, зачем экономия? Уж если аванс без договора и расписки, то какой же будет оплата? Значит, работать, работать, писать будущие надгробные речи. В узел себя завязать, да не в один — в двенадцать морских вместе с гордиевым, но доказать, что Сергей Федорович не ошибся, что я могу, могу так написать, что статуи разрыдаются. Боже ж ты мой, спасение, жизнь, счастье завтрашнего дня. Жениться могу, одиночество, трижды клятвое, кончится. Да здравствует Генеральный текстолог и святая земля на Соборной горе города Прославия! Домой, домой, пока фельдьегер с фанфарами досье везет!

Хватанул я крупнокалиберный бокал коньячку (обидно, когда добро пропадает), сунул в карман плитку шоколада — воровато сунул, пригнувшись: все чудилось, что подсматривают за мной, что не могут же вот так, за здорово живешь, оставить неизвестного в потертом пиджачке наедине с морем разливающим, и встал. Пошатывало меня — с коньячком явно пожадничал, но в двери я попал и вышел в прохладный коридор. За дверью, как и предполагалось мною, половой оказался, но не с кулаками наперевес, а с аккуратно упакованной фирменной корзиночкой.

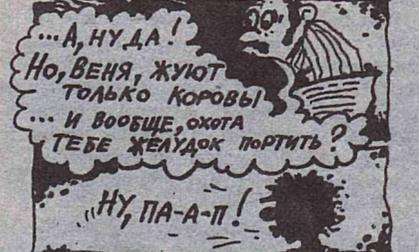
— Это вам-с. Ужин с собой выдать приказано.

— Спасибо, братец, — с косноязычной развязностью сказал я, взял корзиночку и не совсем твердо направился к выходу.

— Ждем непременно и всегда, — пророкотал позументный ветеран, отдавая честь и приятно кланяясь.

И потащился я в свою восьмизатжку с увесистой корзиночкой, приливами коньяка и солнечными мечтами. Однако путь был неблизким, корзиночка успела потяжелеть, коньяк — частично испариться, а солнечные мои мечты стали тускнеть, уступая мысли трезвой, загадочной и страшноватой.

Откуда Генеральный текстолог мог знать, что через десять дней состоятся похороны члена Городской Думы господина Капризова Петра Евгеньевича? Ведь по христианским обычаям хоронят на третий день. Так где же сейчас господин Капризов и знает ли он, что через неделю станет покойником?..

Юрий ПОГОРЕЛЬСКИЙ

ЖВАЧКА

Смотрю, корова на лугу
Жует себе, жует.
Я удержаться не могу
И тоже — жвачку в рот.
Да, для меня жевать полдня —
Обычное явление...
Чего ж ты смотришь на меня,
Корова, с удивлением?

СКОРОГОВОРКА

Рокер с докером и брокер
Сорок раз сыграли в покер.
г. Санкт-Петербург.

ДЕТСКИЙ ЛЕПЕТ

— А у меня есть леденец!
— Покажи.
— Не покажу. Я его проглотил.

— Хочешь конфетку?
— Нет.
— Почему?
— Так разве ты дашь!

— Бабушка, а бабушка, давай поиграем в салочки.
— Не могу, ножки болят.
— Тогда почитай мне сказку.
— Не могу, глазки болят.
— Ладно, давай играть в больницу.

— Дай шоколадку! Дай шоколадку! Дай шоколадку!
— Замолчи, несносный ребенок!
— А если замолчу, дашь шоколадку?
— Нет.
— Тогда какая тебе разница?

Прислала А. ПАВПЕРОВА, г. Москва.

— Яша, нарисуй помидор.
— Нарисуй сама.
— Я не умею.
— А я так нарисую, что ты испугаешься!

По телевизору показывали фильм про Нью-Йорк.
— Когда вырастешь, мы поедем в этот прекрасный город, — говорит мать пятилетнему Боре.
— Ну да, — ухмыляется мальчик. — С вами только в Америку тащиться!

— Я перестала есть хлеб, села на диету и похудела на глазах, — рассказывает женщина подруге.
Девочка, игравшая рядом, ее спросила:
— Мама, а когда ты начнешь худеть в других местах?

Прислал А. КИРИЙ, г. Бендеры.

ЗАГАДКИ-ШУТКИ

- * — Что такое: маленький, серенький, с хвостиком и на колесиках?
- Мышонок!
- А почему на колесиках?
- На велосипеде катается.
- * — Как узнать, не открывая дверцу холодильника, залез ли туда мышонок?
- Не знаю!
- Если его велосипед стоит у холодильника, значит, мышонок внутри!
- * — Сколько надо сделать операций, чтобы поместить в холодильник бегемота?
- Сколько?
- Четыре: открыть холо-

дильник, вынуть оттуда мышонка, поместить бегемота, закрыть холодильник.

- * — Кто быстрее добежит до Африки — жираф или бегемот?
- Кто?
- Жираф. Потому что бегемот сидит в холодильнике.
- * — Сколько жирафов можно посадить в кузов грузовика?
- Сколько влезет!
- Правильно. А сколько можно посадить туда бегемотов?
- Нисколько, потому что кузов занят жирафами!

Собрала О. ШИШКИНА, Владимирская область.

КЛАССНОЕ ТВОРЧЕСТВО

«Сначала он ударил меня по уму, потом — по чести и совести...»

«Отдавая все силы революционной борьбе, большевики-супруги общались и жили между собой только на общественных началах».

(Из школьных сочинений.)

Прислал Ю. БЕЛЯЙЧЕВ, г. Зеленодольск.

Воспитательница. Костя, ответь на такой вопрос. У тебя два яблока — одно большое, а другое маленькое. Какое из них ты отдашь своему брату?

Костя. Какому брату — старшему или младшему?

Мальчик взял мамину пуховку и начал пудриться. Его маленькая сестра нахмурилась:

— Перестань, это только

Анекдотики

женщины пудрятся. Мужчины умываются.

- — Мой папа всегда свистит на работе.
- Наверное, потому, что он очень веселый?
- Нет, он милиционер.

Священник маленькому

мальчику. Ты молишься перед едой?

Мальчик. Нет, мы всегда едим только свежие продукты.

- — Вася, почему ты вчера не был в школе?
- А у нас прибавление семейства!
- Поздравляю! Братик или сестричка?
- Новый папа!

Прислал Л. МОРЩУК, г. Новая Калитва.

Стас приходит домой со своим приятелем и говорит маме:

- — Вот это Иван, он потрясающий парень!
- Чем же он так потрясающий?
- Учится еще хуже, чем я!

Учитель. Постыдился бы! В твоём возрасте Пушкин был лучшим учеником в лицее!

Ученик. А в вашем возрасте его уже застрелили!

Какая разница между собакой и блохой? У собаки могут быть блохи, а у блохи собак — нет.

Прислал В. КЛИМАШОВ, г. Кстово.

В. ЛУГОВКИН.

Герою предыдущего выпуска «Черного ящика» был бизнесмен, подвергшийся разбойному нападению. Ограбленный и раздетый, он сразу же обратился за помощью в ближайшее отделение милиции. По горячим следам задержали человека, похожего на описанного (правда, скудно потерпевшим. Устроили процедуру опознания. Пригласили с улицы первых встречных мужиков

и среди них предъявили ограбленному подозреваемого в разбое. Бизнесмен не признал в нем грабителя, но, к удивлению сотрудников милиции, бросился с объятиями к одному из приглашенных.

А выяснилось следующее. Бандита среди мужчин, представших перед бизнесменом, не оказалось, зато в одном из случайных прохожих, согласившихся принять участие в милицейской процедуре, наш герой узнал своего друга детства, с которым не виделся много лет.

ОБИДА

Самое обидное для пьющего человека — попасть в вытрезвитель. Только что ты с большим, может быть, трудом раздобыл пару тыщинок на спиртное, произвел согревание организма, раскопегарил свою плоть или вообще отключился от земной суеты, и вдруг близости от тебя резко тормозит крытый фургон не первой свежести, но с красным крестом на боку, из него выскакивают в мундирах той же свежести блюстители трезвого образа жизни, возносят тебя за руки и за ноги над газоном и швыряют, как бревно, в пыльное чрево спецтранспорта.

Именно так были схвачены в столичном парке культуры и отдыха и безжалостно отрезвлены ИТР С. Васильев и пролетарий Ю. Семынин, а ночью, чуть проспавшись, они принялись подсчитывать стоимость употребленных напитков и пришли в ужас: какие средства переведены вхолостую! От обиды за прерванную гулянку они предъявили сотрудникам вытрезвителя материальные претензии. Дескать, мы гудели на свои трудовые, а вы, значит, вот как, весь дорогостоящий подзаряд из нас вышибли, так извольте вернуть потраченную на несостоявшийся культурный досуг суммочку. Поскольку мы свободные граждане свободной страны и имеем полное право на демократическое изъяснение своих пищеводов любым приглянувшемуся пойлом. И никто не может, совершая насилие над личностью, вытрезвлять нас силком.

У милиционеров и фельдшера челюсти так и отвисли. Не хватало еще, чтобы права человека вошли в противоречие с налаженным вытрезвительным процессом! Поэтому они, несмотря на глубокую ночь, предпочли вытолкать политически подкованных клиентов за дверь.

Но высокоарзвитое чувство гражданского самосознания подвинуло С. Васильева и Ю. Семынина на дальнейшую борьбу за права человека. Несмотря на ночь и безлюдье, им удалось раздобыть где-то бутылку водки.

Вопрос к читателю: что было дальше?

В. ВЛАДОВ.

КРИМИНАЛЬНЫЙ ЭКСТАЗ,

или ВОДИТЕЛЬ! ВЫВОЗЯ ТРУП, БУДЬ ВНИМАТЕЛЕН ЗА РУЛЕМ!

Ровно в половине второго ночи Анисиков провалил чрезвычайной важности задание. На пустячной скорости — всего-то 60 километров — и при полном отсутствии в этот час и в этом месте какого-либо движения он въехал на «Жигулях» в высоченный бордюрный камень. Мотор заглох. Анисиков и сидевший рядом с ним Руцинский, не сговариваясь, распахнули дверцы и почти синхронно дали деру, бросив остальных пассажиров барахтаться на заднем сиденье. Не дожидаясь подъезжавшей машины ГАИ. Нервишки, словом, подвели. Впрочем, дожись они гаишников, отвечать Анисикову все равно было нечего. Права? Техпаспорт? Чего не было, того не было. Зато был запах алкоголя. А почему ехал с потушенными фарами? А почему не включил габаритные огни? А уж когда начнут интересоваться остальными пассажирами... Ведь непременно начнут. Ну, Сидорин с Сигониным еще ничего, выглядят вполне прилично. Но вот Сарычев... Уж этот козел Сарычев со своей располованной шеей непременно всех подведет под монастырь!.. Именно его и не хотелось никому показывать, отчего и стремились проскочить ночную пустынную Москву без огней, серой мышкой...

Словом, не повезло Анисикову. Не повезло, считай, уже во второй раз. Ну а в первый не повезло, когда он решил вечером зайти в гости к своему приятелю Рукину. У того обычно всегда шел гудеж-балдеж, на который слетались его приятели, весьма уважавшие хозяина за его богатое уголовное прошлое. И приятели, понятно, почти сплошь с аналогичным прошлым.

В общем, вошел он в квартиру, а в передней — труп. Остальные же собутельники озадаченно столпились вокруг — и Серебров, и Сидорин с Сигониным, и Руцинский, и Чеховской, и Фокин. Анисиков сразу засобирился обратно, но Рукин ему сильно обрадовался, обнял

и домой категорически не отпустил: дверь запер, а ключ положил себе в карман.

— Это хорошо, что хоть ты трезвый, — сказал он. — Как видишь, у нас тут одно дело намечается — жмурика надо вывести и надежно захоронить.

— Да я не очень трезвый, — стал смущенно отнекиваться Анисиков. — Я уже маленько принял с утра. И если честно сказать, так это я только врал, что хорошо вожу машину. Кстати, я и пришел-то предупредить, чтоб меня сегодня не ждали. У меня сегодня жутко важные дела.

— Не у тебя, а у нас, — поправил его Рукин и велел прекратить пустую болтовню.

Вот и пришлось Анисикову вместе с остальными дожидаться ночи. Наконец Рукин скомандовал: пора. Собутельники подхватили Сарычева, спустили его на лифте, поддерживая будто пьяного, выволокли из подъезда, посадили в фокинскую машину и сели сами: за рулем Анисиков, рядом Руцинский, сзади Сидорин с Сигониным. Ну и Сарычев, понятно, прислоненный к дверце и изображающий вусмерть надрывшегося и отключившегося пассажира.

Так что, если близко не приглядываться, компания была совсем обыкновенная. Вполне способная, не привлекающая внимания, добраться до речки и, как говорится, спрятать там концы в воду. И если бы Анисиков получше умел водить машину и не совершил то злополучное ДТП...

Анисикову не повезло, но разве можно считать, что повезло Чеховскому и Фокину? Проспавшись после пьянки, те вывалились из комнаты на какой-то шум и только успели заметить, как оседает на пол зарезанный Сарычев. Сначала они было понадеялись, что с ними просто белая горячка, при которой и не такое может привидеться. Но их ждало разочарование: труп оказался самым настоящим...

Но особенно сильно не повезло Рукину, который после своей лихой разбойной

Игорь ШЕВЧУК

ГОСТЬ ИЗ ВАННЫ

Как-то раз
водолаз
Ночью в ванной всплыл у нас.
В кухню ластами прошлепал,
К сковородке сразу — раз!
К ней скафандр склонил пониже,
Вилкой в темноте поскреб:
— Макароны? Ненавижу!
И обратно: шлеп,
шлеп,
шлеп!
Бултыхнулся в ванну задом,
Сжав в руках длиннющий трал...

Ненавидишь — и не надо!
Хоть бы ласты вытирал!

ЖАЖДА

Однажды утром спозаранку
Попить я что-то захотел.
Из холодильника взял банку,
В руках спросонья повертел.
Но зря на ней искал бумажку,
Гадал о содержимом зря.
Я взял тихонько открывашку
И дырку в дне проковырял...
Нет, не успел проковырять я —
В металл холодный нож вонзая,

Из дырки слышу вдруг: — Проклятье!

А ну положи, откуда взял!
Поднес к глазам, гляжу я в щелку,
И к горлу подступает ком:
Внутри я вижу нашу полку
И даже кухню целиком.

Там в ней стоит один небритый
И вроде на меня похож.
Мне снова, значит, говорит он:
— Откуда взял — туда положи!

И кутает как будто горло,
Ну, как бы там от сквозняка...
Тут у меня дыханье сперло.
Присел, очухался пока —
Над головой как что-то ухнет!
Я банку крепче сжал в руке,
Гляжу наверх — над всей над кухней
Дыра зияет в потолке!

Оттуда вдруг со скрипом жутким
Не то топор,

не то кинжал...
И вроде глаз мой в промежутке...
Ну, знаем-знаем эти шутки.
Как заору:

— Попить вам? Дудки!

А ну положи, откуда взял!!!

г. Санкт-Петербург.

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Штирлиц вошел в кабинет и увидел на полу бездыханного Мюллера.
«Отравился», — подумал Штирлиц, поглаживая рукоятку ножа, торчащего из спины Мюллера.

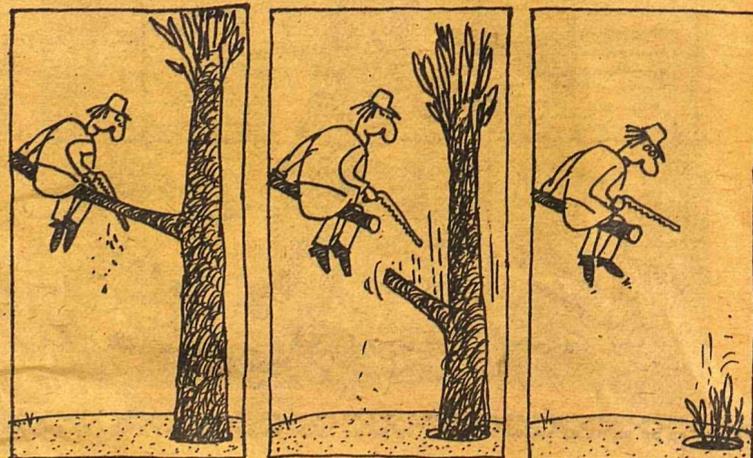
Штирлиц шел по коридору. На встречу шла Кэт. Два дюжика эсэсовца несли за ней чемоданы.

«В отпуск», — с завистью подумал Штирлиц.

Раздался выстрел. По свисту ветра в голове Штирлиц понял, что ранение сквозное.

Штирлиц шел в кафе «Элефант» на встречу с женой. Ее уже в четвертый раз везли через линию фронта и три

Рисунки Александра Дьякова (г. Хвалынский)
На конкурс «ЕЩЕ СМЕЕМСЯ»

молодости остепенился, превратившись в бумажную крысу — занялся изготовлением фальшивых документов.

Впрочем, центральная роль в этой истории, безусловно, принадлежала его супруге. Ей достались здесь переживания гораздо богаче, художественней.

А именно: гулянка уже подходила к концу, и первым решил уходить Сарычев. Распровавшись с хозяевами, он пошел, а жена Рукина, опершись на подоконник, все глядела и глядела ему вслед. Как потом стало ясно, случившееся между ней и Сарычевым сумбурное событие требовало дополнительного осмысления. Она к нему и приступила, начав делиться с супругом. Ляпнула, одним словом:

— Сарычев этот твой, вот козел, знаешь, меня изнасиловал!

— Да ты что? Когда? — изумился муж.

— Сегодня и изнасиловал.

— Я ж из дома не выходил!.. Где я был-то?

— Да тут где-то неподалеку и был. Уж не помню сейчас — то ли спал, то ли с друзьями базарил, то ли пил...

Рукин тогда подскочил к окну, перегнувшись через подоконник и заорал уже почти исчезнувшему из виду Сарычеву:

— Эй, Сарычев!

Тот оглянулся:

— Чего?

— Совсем позабыл, у меня к тебе дело. Возвращайся!

Сарычев ничего дурного не заподозрил, повернул назад. То ли запомнил, то ли неадекватно расценил свой поступок. И пока он возвращался, Рукин заметался по квартире, соображая, чем ему ответить на почве ревности насильнику. И, не найдя никаких соответствующих моменту слов, схватил кухонный нож.

Правильно говорят: возвращаться — плохая примета. Дороги не будет. Как вошел Сарычев в прихожую, так и стала сбываться народная примета на все сто процентов: Рукин ножиком взмахнул и три раза его тук-тук-тук. И убил в конце концов, угодив в жизненно важные центры в области шеи.

А потом, как известно, появился почти трезвый Анисиков, немедленно назначенный Рукиным водителем. А дальше стал подбирать похоронную команду. Решил послать Сигонина с Руцинским, как еще несудимых. Сереброву только десять дней назад дали два года исправработ, так что он еще не отошел от своих переживаний — его Рукин не стал тревожить. И Фокина решил не тре-

вожить — только взять у него машину и засчитать ее за вклад в общее дело. Чеховской у них всегда слыл несерьезным человеком — сидел всего-то за обман и обсчет покупателей. И по всему выходило, что четвертым надо было ехать Сидорину. После второй судимости тот был признан особо опасным рецидивистом и на данный момент как бы отбывал наказание на стройках народного хозяйства в Смоленской области. Откуда он, не дожидаясь конца срока, утек в станицу.

Отыскался и груз — мраморная плита 50 на 50, правда, уже обещанная для кладбищенских надобностей совсем другому человеку. Вербка тоже нашлась. Оставалось только дожидаться подходящего момента — покрова ночи, чтоб под ним свезти труп к Москве-реке и в нее вывалить. Дожидаясь, беседовали. Про то, что это будет очень несложно — отвезти жмурика по пустынному городу до воды и в нее бултыхнуть. И про то еще, до чего же странный народ эти женщины.

— Это ж надо, — ахали они все по очереди, — так долго идти к пониманию того, что тебя изнасиловали!

— Бестолковая твоя башка, — подытожил инцидент Рукин и наказал жену, стукнув по голове.

— А? Что? — встрепелась она. — Ты зачем это?..

Словом, с какой стороны к Рукиной ни подойди, все одно — сплошное непонимание и замедленность реакций.

Нет, вовсе не хочу настаивать, что публике никак нельзя собираться большой компанией. Да ради Бога! У нас ведь постоянно объединяются люди с общей биографией и судьбой, например, холостяки... Или — с общими интересами — филокартисты, феминисты. И вот если, допустим, окажутся вместе восемь физиков, то и они могут кого-нибудь замочить. Хотя бы морально. Или ткнуть авторучкой, разбить очки. Обругать ретроградом. Но могут чего-нибудь эдакое и изобрести, открыть.

В уголовной же тусовке (когда на восемь собравшихся девять судимостей: разбой, грабеж, кража, хулиганство, угон автомобиля, хищение огнестрельного оружия, обман и обсчет покупателей) шансы на изобретение, открытие или даже обычное человеческое общение очень — ну просто очень — незначительные. А вот вариант, похожий на наш заголовок вкпе с подзаголовком, гораздо — ну просто гораздо — реальнее.

Мюллер:

— На заднице Евы Браун обнаружены отпечатки ваших пальцев, Штирлиц. Как вы это объясните?

— Я-то объясню. А вот как вы объясните, что их нашли?

— Я всегда жалел, Штирлиц, что вы работаете не у меня.

Архивы КГБ рассекретили
В. ЛЕОНОВ, г. Н. Новгород, и
А. ЧИЧИМОВ, г. Челябинск.

границы, но каждый раз выяснялось, что это не его жена.

Проходя по коридору, Штирлиц как бы нечаянно толкнул дверь кабинета Бормана. Дверь не открылась. Штирлиц толкнул сильнее. Дверь не открылась. Тогда Штирлиц разбежался и ударил дверь плечом. Дверь не открылась. «Заперто», — подумал Штирлиц.

В. ДУБОВ.

Марк Лисьянский

ПРИТЧА

Бог согнулся от заботы...

Марина Цветаева.

Бог, посевев не без причин,
Заваленный делами,
Илья-пророку поручил
Заведовать дождями.

Илья погнал своих коней,
Звезя и громыхая:
То ливень хлещет много дней,
А то земля сухая.

Смекнул он: что-то здесь не так.
И в мыслях молвил Богу:
«Давать приказы ты мастак,
Пришел бы на подмогу!»

И Бог, который не карал
Безвинного в ту пору,
Прервал торжественный хорал,
Махнув платочком хору.

— Господь, создатель, мудрый вождь,
Мой царь и повелитель,
Когда пускать на землю дождь,
На грешную обитель?

Ответил Бог, не чтя аврал:
— Когда селяне просят.
Илья был глух и услышал:
— Когда селяне косят.

Лишь сенокосная пора —
Дождь льет и льет как из ведра.

ГРЕЧНЕВАЯ КАША

Предзакатным вечерком
В поле тихо-тихо.
С беззаботным ветерком
Шепчется гречиха.
Тише, травы, тише, медь,
Спит деревня наша.
Я хочу тебя воспеть,
Гречневая каша!
Вдалеке от той весны,
Где ты выростала,
В котелке да в дни войны
Ты любимой стала.
На войне — деликатес,
В отрочестве нашем
Обходились мы и без
Этой самой каши.
Я поклясться мог тогда
Даже перед мамой:
Не любил я в те года
Каши этой самой.
А теперь скажу в упор:
Лучше нету каши.
Это знают до сих пор
Все дружки наши.
Улыбаются они:
— Ешь и всласть, и вдосталь!..
А ведь гречку в наши дни
Раздобыть не просто.
Гречка в наши времена
Не в ладу с прогрессом,
Нынче делалась она
Вновь деликатесом.
Тем не менее друзья
За беседой нашей
Щедры потчуют меня
Гречневою кашей.
Угощают от души
Пышной и душистой.
Ешь, похваливай, дыши
Этой далью чистой,
Этим дивным вечерком,
Где, как прежде, тихо
С беззаботным ветерком
Шепчется гречиха.

1988.

1989.

Звонок раздался ночью. Настойчивый и всепроникающий, он наполнил собой весь объем моего одинокого жилища — и никуда от этого не деться. Придется вставать. Зябко поеживаясь, накидываю старый, замызганный халат, подхожу к телефону (когда-нибудь я не выдержу и разобью вдрезг эту одноглазую гадину). Покорно снимаю трубку, слушаю. Сквозь шум помех и зловещее завывание магнитных бурь доносится сердитый голос:

— Ты не очень-то торопишься. Что, отвлекла от приятного занятия? Она кто: брюнетка или блондинка?

О Господи! Опять старая песня.

— А, Лариса, ты меня не забываешь...

— Да вот, не забываю. Так как насчет блондинки?

— Послушай, Лариса, у меня был очень трудный день, и я не расположен вести бессмысленные разговоры...

— Знаю я эти трудные дни, это, наверное, когда весь день мучительно решаешь, какую из юбок подцепить на ночь, ведь хочется и ту, и эту, и обеих сразу. Не так ли?

— Лариса! Мне осточертела твоя ревность, если у тебя есть еще что-то — говори, нет — тогда я вешаю трубку и ложусь спать.

— А, хочешь побыстрее от меня отделаться и вернуться в постельку к своей милашке?! Не такая я дура, как ты думаешь. Негодяй! Ты погубил мою жизнь и еще позволяешь себе издеваться! Иуда! Ты лгал и лицемерил с первых минут нашего знакомства, клялся в вечной любви, а сам только и ждал удобного момента. Думаешь, я ничего не знаю, что у тебя было с той вульгарной девицей в Крыму?! Я все знаю, все! А история с секретаршей! Если ты забыл, то могу напомнить...

Я кладу трубку и после некоторого раздумья с мрачной решимостью на лице, отраженном в зеркале, ударяю массивной бронзовой пепельницей по телефону: иначе не отделаться от этого ночного кошмара. Лариса — моя бывшая жена, два года назад я не выдержал и задушил ее... Но звонит и по сей день, ума не приложу, как она это делает? Крайне навязчивая особа.

г. Воронеж.

ДРАМЫ

Изобретатель пришел во внедренческую фирму:

— Хочу предложить вам свой новый автомат для бритья. Клиент опускает монетку, просовывает голову в отверстие, и две бритвы начинают автоматически его брить.

— Это оригинально, но... ведь у каждого клиента индивидуальное строение лица!

— Только в первый раз.

Пугал Ф. КОНОНЕНКО, г. Калуга.

Человек выходит из аптеки. Его догоняет аптекарша:

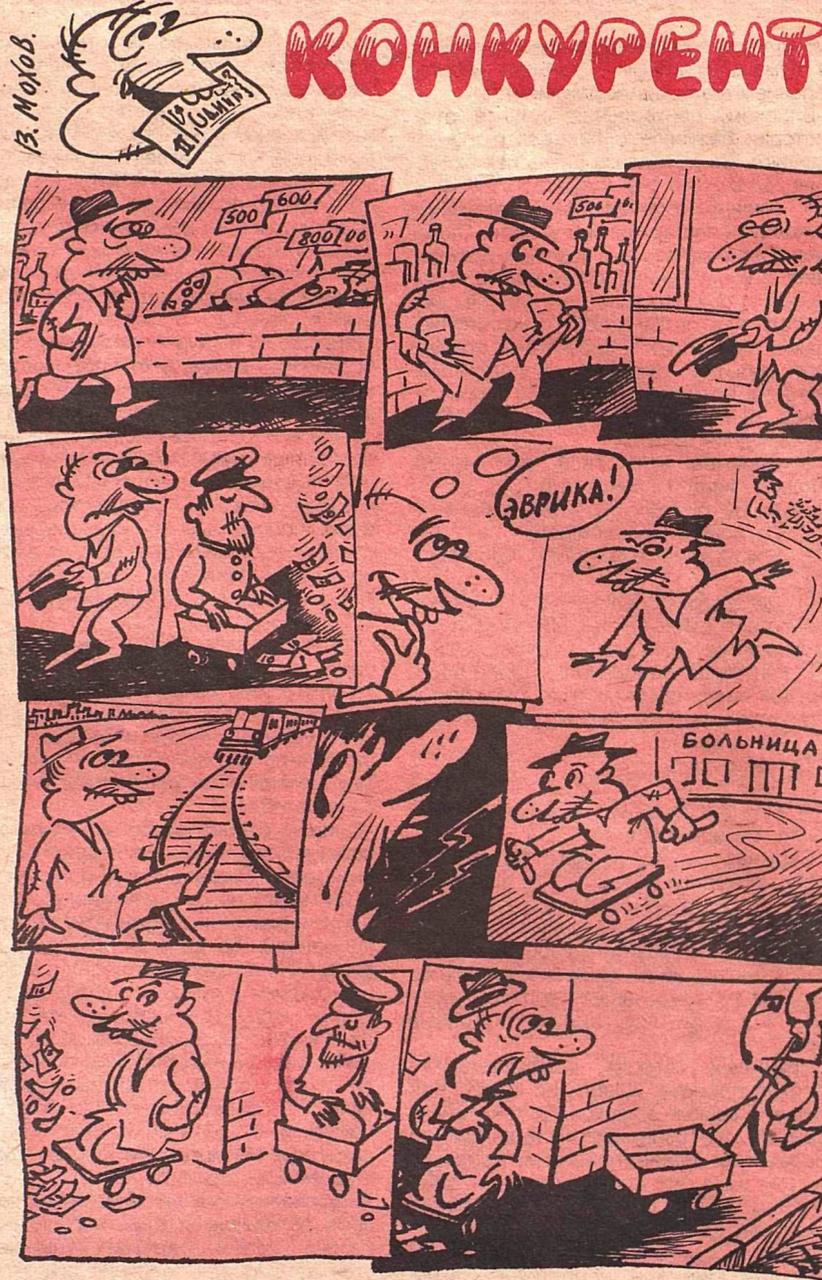
— Гражданин, вы сейчас взяли глюконат кальция? Верните его обратно.

— Почему?

— Я по ошибке дала вам цианистый калий.

— А я его уже выпил.

— Тогда доплатите немедленно в кассу 1600 рублей!

ОПАСНЫЕ РИФМЫ

Почтенный Муромец Илья
Портвейна выпил очень много
И стал готовиться в дорогу,
Чтоб выбить дух из Соловья.

Крестьянин, выйдя с борозды,
Своей кобыле дал покусать,
А сам на травку сел послушать,
Как в рощице поют дрозды.

Гуляя с дамою в саду,
Чекист залез рукой в карман
И, вынув черный свой наган,
Перестрелял гусей в пруду.

Ирина СЕРОВА, г. Шуя.

Забравшись с лордом на чердак,
Сказала леди: «Вот несчастье!
Ты платье мне порвал от страсти!
С тобою вечно все не так!»

Усердно браво офицер
Намазал гуталином хлыстик —
Его он каждый вечер чистил
Солдатам рядовым в пример.

В. КОЛОМЕНСКАЯ, г. Москва.

**СМЕХ
СКВОЗЬ
СТОЛЕТИЯ**

**НЕЧАЯННЫЙ
МАСКАРАД**

Поэт и дипломат Федор Иванович Тютчев часто бывал очень рассеян. Однажды великая княгиня Елена Павловна, благоволившая Тютчеву, пригласила его на бал в петергофский дворец. С утра Федор Иванович побывал у своих друзей, отобедал там и отдохнул. Его лакей тем временем привез парадный фрак, повесил на стул и уехал. Проснувшись, Тютчев оделся и, не беспокоя хозяев, отправился во дворец.

На ярко освещенных аллеях парка поэта несколько раз останавливали знакомые, выражая удивление по поводу его фрака, но Тютчев не обратил на это внимания. Едва сдержала смех при встрече и великая княгиня. Вскоре Тютчев уехал домой. А наутро его друзья сообщили удивительную новость: кто-то накануне обокрал их выездного лакея:

— Ливрея висела в передней и вдруг исчезла. И что удивительно, рядом на стуле лежал ваш фрак — его не взяли, а на поношенную ливрею польстились! Федор Иванович добродушно рассмеялся, поняв, в каком наряде он щеголял вчера на придворном балу.

**КУДА ТАМ
ЧУМАКУ!**

Знаменитый врач Матвей Яковлевич Мудров (1776—1831), один из основателей русской клинической школы, профессор терапии Московского университета, неустанно проповедовал, что лечить нужно не болезнь, а больного. Любил после лекций давать практические советы слушателям. Вызывает, бывало, студента и спрашивает, как он будет лечить замоскворецкого купца. «Постараюсь поставить диагноз и прибегну к лечению внутреннему и наружному». — «Нет, братец, ты прежде всего пошли нанять карету, хоть заложил что-нибудь, коль денег нет, а карета чтоб была. Да

как приедешь к больному и войдешь в дом, помолись на образ и спроси: «Где болящий?» Ну, какая может быть болезнь у него? Скорей всего, обьелся... Ты и пропиши ему касторовое масло, а на расспросы окружающих отвечай: «Ничего еще не могу сказать, приложу все разумение, а впрочем, на все воля господня». Ну, облегчит его, и станут тебя считать хорошим доктором, невесту богатую сосватают». Затем Мудров обращался к другому вызванному: «Ну, а тебя позовут барыню-помещицу лечить. Что ты предпримешь?» — «Пошлю нанять карету». Мудров перебивал его и говорил: «Никакой кареты не надо: поезжай на гитаре (так назывались особые дрожки, на которых можно было сидеть верхом.— Прим. ред.), а как

КРОКОДИЛ
Журнал
сатиры и юмора
№ 9 (2753)
сентябрь 1993

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ
1922 ГОДА

Учредитель —
трудовой коллектив
редакции журнала
«Крокодил»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР Алексей ПЬЯНОВ.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Наталья БУХАЛЁВА (ответственный секретарь),
Борис ЕФИМОВ, Лидия ЖЕСТКОВА, Михаил КАЗОВСКИЙ,
Владислав ПОБЕДОНОСЦЕВ (зам. главного редактора),
Эдуард ПОЛЯНСКИЙ, Святослав СПАССКИЙ (главный художник).

Радоу РАЛИН (Болгария)

КАК МЫ ПОСТИГАЕМ ОБЩИЕ ИСТИНЫ

Мне удалось узнать наверняка, что один из наших государственных мужей погряз в коррупции. Не испытывая никаких угрызений совести, напротив, с чувством глубокого удовлетворения сидел он в своем номенклатурном болоте, вокруг которого квакали восемь тысяч частных фирм. Он взлелеял касту привилегированных мздоимцев, ничем не отличающуюся от старой. Именно он стоял на пути обновления нашего общества!

Несколько месяцев я проверял факты: все его служажие в рабочее время занимались личным обогащением, не забывая и ему регулярно приносить в клювике «сердечную благодарность». Взятки стали обычным делом, вроде платы за проезд в автобусе. Материала у меня скопилось для двух парламентских комиссий.

Все, что мне удалось обнаружить, я принес в редакцию газеты «Наша демократия». Они прочитали, покачивая

головами, потом вернули рукопись:

— Жаль, но мы напечатать не можем, он наш человек.

— Кого жаль, его или статью?

— Вообще жаль.

Ладно, думаю, отнесу в газету оппозиции «Наша правда». Сотрудничество с ней, конечно, меня скомпрометирует, но гласность — единственное средство борьбы с негодяями.

Принес. Они ее стали читать; прищелкивать языками, потом вернули материал и сказали:

— Жаль, но напечатать не сможем, он наш человек.

— Как, и ваш тоже?!

— Идеальных людей не существует, но наши интересы он учитывает.

Вот я и думаю теперь: может, отнести статью на радио «Свобода»? Или он тоже их человек?

Перевел И. ИЛИНГИН.

Ральф ХОДЖСОН
(Англия)

УЛИЦА ГЛУПОСТИ

Я видел, как птицы, что чудесно поют, в лавках на вес, как еду, продают, в лавках на улице Глупости.

Во сне мне приснилось: хлеба все гниют, в лавках — ни крошки, озлобленный люд бродит по улице Глупости.

1917.

Перевел А. КУДРЯВИЦКИЙ.

ВЕЛИКИЕ О СМЕШНОМ

Только у человека есть достоинство — поэтому только человек может быть смешон.

Рональд НОКС.

Каждый внушителен, когда теряет жизнь; и каждый смешон, когда теряет шляпу и вынужден ее догонять.

ЧЕСТЕРТОН.

Нет большей обиды, чем оскорбление с примесью иронии.

НАПОЛЕОН.

Боязнь иронии — это страх перед разумом.

Саша ГИТРИ.

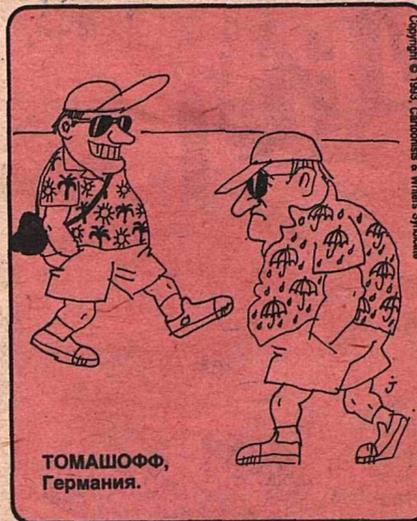
Собрал Гланик ПОДОЛЬСКИЙ.

НА ЛЮДЯХ — ПО-ЛЮДСКИ!

В 1624 году царь Михаил Федорович пожелал устроить над Спасскими воротами Московского Кремля новые большие часы. Придворный механик англичанин Христофор Галовой сказал, что для этого надо построить над воротами высокую башню, и сам вскоре ее воздвиг. Мастер украсил башню резными балюстрадами и фигурами из белого камня, среди которых были четыре искусно сделанные обнаженные статуи, поставленные по углам. Их москвичи немедленно назвали болванами. Все это было ново для русских людей и многих смущало своим «идольским» подобием.

Михаил Федорович, однако, принял соломово решение: статуи остались на своих местах, но, чтобы скрыть языческую наготу, велел сшить для них четыре однорядки — длиннополых кафтана без воротников. На этот диковинный гардероб пошло 12 аршин разноцветного английского сукна! Но теперь скульптуры вполне походили на живых людей, и их вид уже не смущал благочестивых горожан.

Близнецов «ССС»
ублажали москвичи
А. БЕЙЛИН, Ю. ЗОЛотов.

ТОМАШОФФ,
Германия.

ФАРРИС,
США.

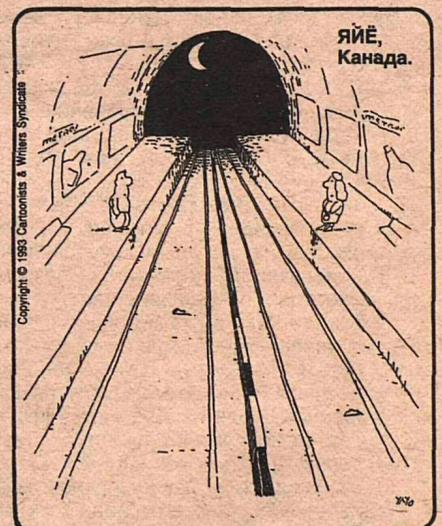
КУРТИС,
Англия.

ХАРАМИЯ,
Хорватия.

ИРОНИМУС,
Австрия.

ЯЙЕ,
Канада.

Англо-русско-английская
АВТОМАТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА
КОМПЬЮТЕРНОГО ПЕРЕВОДА

PARS 2.0

* Бизнес, деловая переписка
* Вычислительная ортехника

Телефоны магазинов-салонов:
(095) 924-36-24 («Центр-техника»)
(095) 124-71-10 (Бизнес-Центр)

СПРАВКИ
ОБ УСЛОВИЯХ
РАЗМЕЩЕНИЯ
РЕКЛАМЫ
ПО ТЕЛЕФОНУ
212-13-59.

Художественный редактор Диана МАЗУР.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ОДИН РАЗ В МЕСЯЦЕ.

Редакция знакомится со всей поступающей почтой и вступает в переписку по мере необходимости. Присланные литературные и изобразительные материалы не рецензируются. Рукописи меньше 2-х авторских листов не возвращаются. Перепечатка из «Крокодила» допускается только со ссылкой на журнал и с разрешения редакции.

НАШ АДРЕС: 101455, ГСП-4, Москва, Бумажный проезд, д. 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:

фельетонов — 250-46-68, литературы — 250-16-63,
художественного — 257-36-60, распространения — 257-35-47,
рекламы — 212-13-59. Приемная — 257-31-14.

Сдано в набор 20.07.93. Подписано к печати 30.07.93.
Формат бумаги 70 x 108%. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 2,80. Усл. кр.-отт. 11,20. Уч.-изд. л. 4,54.

Тираж 221 000 экз. Зак. № 633.
В розницу цена договорная.

Журнал зарегистрирован Министерством печати и массовой информации Российской Федерации. Свидетельство № 01535.

Типография издательства «Пресса», 125865 ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

© «Крокодил», 1993.

НА КОНКУРС «ЕЩЕ СМЕЕМСЯ».

КВК «ГРАЧИ УЛЕТЕЛИ» (См. стр. 1.)

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Пышное природное скукоживание (поэт.). 4. Апогей лесного стриптиза. 8. Результат воздействия осенней поры на очи. 11. Место, где однажды осенью Пушкин натворил по-крупному. 12. Демисезонная носовая течь. 13. Портняжный подручный, шьющийся в пальто. 15. Медвежье лапососание, в которое иные впадают уже осенью. 16. Запихивание в шель чего-либо мягкого (оконн.). 17. Футбольный эндшпиль (кубков.). 18. Мужчина в позднеосеннем возрасте. 24. Единица счета по осени (орнитологич.). 26. Правопреемники яровых. 28. Собирательное понятие (с.-х.). 29. Последствие осеннего дождичка в четверг при дырявой крыше (библейск.). 32. Предсказатель, интерес к которому при осенних непогодах усиливается. 34. Месяц, в котором ударил мороз на 70 лет. 35. Страдатель при плохой подписной кампании весной и осенью. 36. Приспособление, позволяющее женщине носить мини-юбку в холода. 37. Домашняя мечта накануне отопительного сезона. 38. «Купи-продай» с аттракционами и фейерверком (как следствие п. 28). 39. Лист, на который приятно сесть во время п. 12.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 2. Мысль о летнем отпуске в стиле ретро. 3. Заваленный листьями объект ненависти дворника. 4. Мокрое место (осенне-тротуарн.). 5. Падшая вода (хмур. небесн.). 6. Хлеб, ушедший в завязку (сентябрьск.). 7. Приспособление для выхода сухим из осенней воды (подошвенн.). 9. Ручной дождевик. 10. Ночные ударники-почвенники (погодн.). 11. Особа, которая дала название летнему рецидиву в октябре. 14. Осенние эмигранты, которым хочется пожелать «ни пуха, ни пера». 15. Спасаящиеся рассолом (осенне-заготовит.). 19. Меховые, теплые, которые зябкими вечерами в ноябре хочется не откинуть, а натянуть. 20. Часть части, заполняемая осенним призывом. 21. Крутая калориферная начинка. 22. Источник нитратов, от которых к осени пухнут сначала овощи, а потом желудки. 23. Материал, из которого кроют курортный сезон на излете. 25. Место отсидки с 1 сентября (детск.). 27. Исключение из пожелтения (дендрологич.). 30. Друг собаки, которого она тянет на прогулку в любую погоду. 31. Состояние осенней мухи. 33. Погодное явление, когда листопад переходит в снегопад. 35. Вид транспорта, который не отловишь в любое время года.

Составил В. САВЕЛОВСКИЙ.

ОТВЕТЫ НА КВК, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 8

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Головоуязство. 7. Клаус. 9. Сенбернар. 11. «Поплавок». 12. Десятка. 13. Экспромт. 16. Пир. 17. Мышьяк. 18. «Травка». 19. Турникет. 20. Талант. 22. Слайд. 25. Неглинка. 27. Рак. 30. Клубок. 32. Рейсшина. 34. Фома. 36. Болото. 37. Тутювое. 38. Военспец.

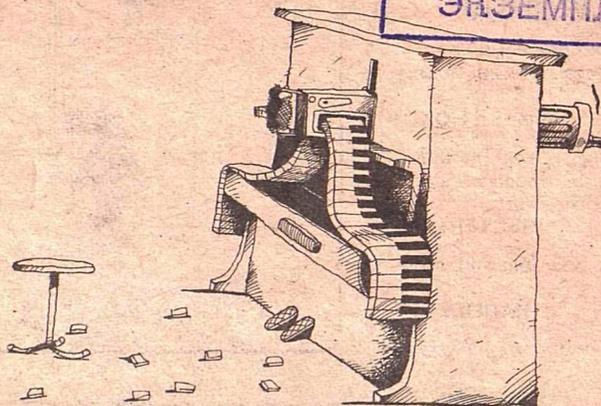
ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Клин. 2. Штанга. 3. Автопортрет. 4. Орала. 5. Государство. 6. Персик. 8. Стогника. 10. Боярышница. 13. Экстерн. 14. Серфинг. 15. Горбаса. 21. Бараны. 23. Локатор. 24. Доброе. 26. Имение. 28. Глобус. 29. Мистер. 31. Крот. 33. Сакс. 35. «Сова». 36. Бор.

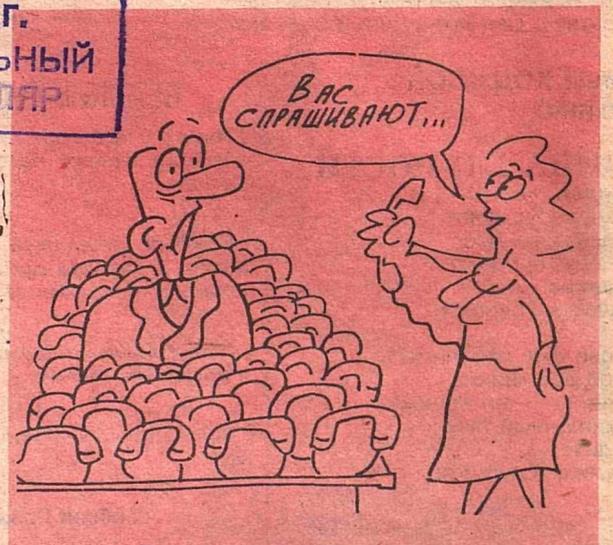
В. МУРАВЬЕВ, г. Санкт-Петербург.

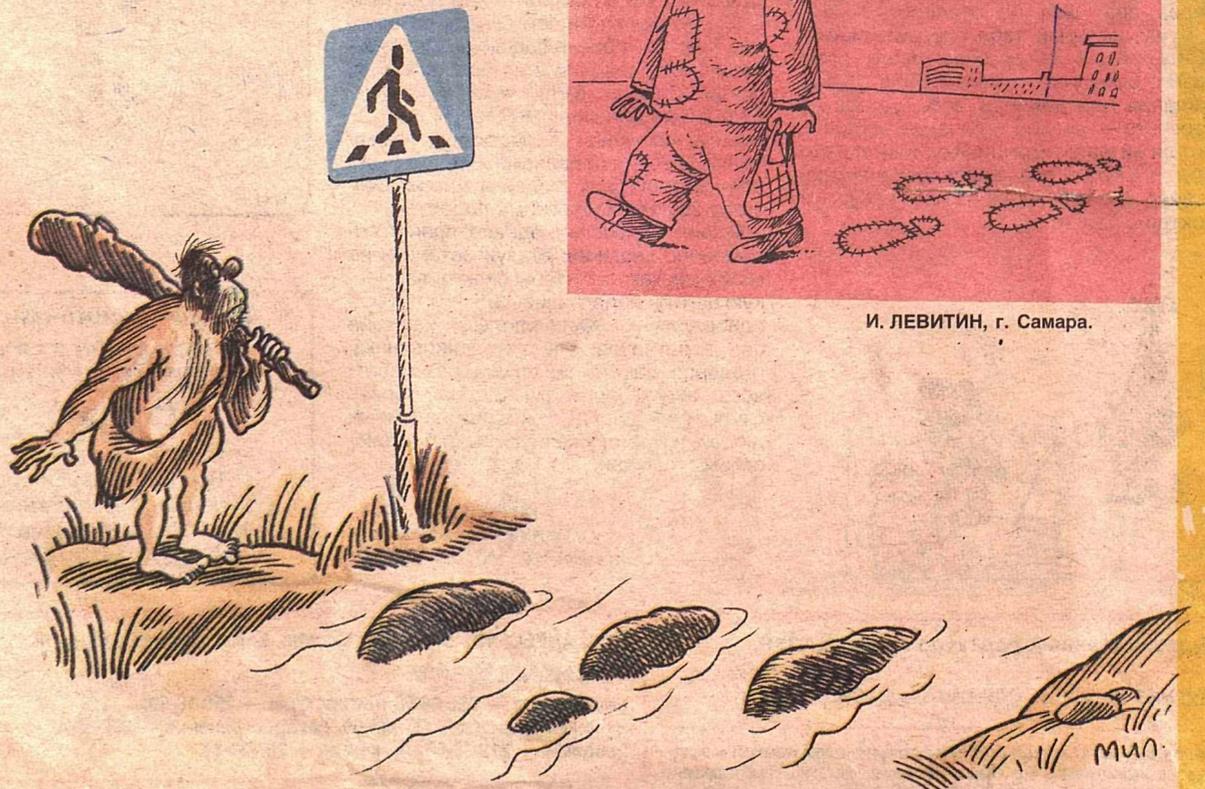
К. МАЛЬЦЕВ, г. Челябинск.

А. КЛИМОВ, г. Набережные Челны.

С. КОНДРАТЬЕВ, г. Архангельск.

В. МИЛЕЙКО, г. Санкт-Петербург.

И. ЛЕВИТИН, г. Самара.